

Макар Файтцев

**Укроти свою
строптивость (часть 2)**

«Литнет»

2022

Файтцев М.

Укроти свою строптивость (часть 2) / М. Файтцев — «Литнет», 2022

Родиться в королевской семье – не дар, а наказание. Во имя короны она не имеет право на личную жизнь. За неё решили: кто станет её мужем, когда рожать ребёнка, где учиться. А ей так хочется свободы, самой решать, пусть даже себе во вред. Неужели никто не в силах помочь юной принцессе вырваться из неволи? *** Что ж, дорогой мой, ты ещё пожалеешь о том, что отозвал своё ходатайство. Ты хочешь стать моим мужем? Но я-то не горю желанием выходить за тебя замуж, а это значит, добро пожаловать в ад! ***
Продолжение истории о принцессе Анжелике.

© Файтцев М., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

31. Брачный контракт	5
32. Прогулки с Манфредом	12
33. Межсезонье. Декабрь—январь	19
34. Накануне свадьбы	26
35. Свадьба	30
36. Медовый месяц с ложкой дегтя	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

31. Брачный контракт

Начало романа "Укроти свою строптивость" читайте на сайте бесплатно!

Пролог

Она не читает текст. Он ей неинтересен. Она смотрит на фотографию: вот она и Серж. Они целуются. Фотограф хорошо подобрал ракурс. Он его приблизил максимально возможно. Они стоят в обнимку, его рука у неё на затылке, глаза прикрыты. Под фотографией подпись «Поцелуй». Следующая фотография: она уходя, остановилась, обернулась, подняла руку для прощания. Он стоит лицом к ней, его рука тоже поднята. Фотограф снял Сержа со спины. Зато фигура Анжелики получилась в солнечном ореоле. Фотография очень красивая, она показывает, насколько им тяжело расстаться. Это было «Прощание». Последняя фотография – Анжелика и сигарета в тонких пальцах. Это почти портрет: дым, задумчивость в глазах... «Переживание». Экран погас, поднялся вверх. Тишина. Кажется, что сейчас слышно каждый шорох, такая стоит тишина. Старейшины переводят взгляд с Анжелики на Сержа.

Ей хочется вскочить и убежать, но на плечах лежат руки Лаура. Он слегка пальцами поглаживает её, как прежде. Это значит: «Спокойно, девочка, спокойно». А ей хочется закричать: «Неужели вы никогда не любили?»

– Господин Трегир, четыре года назад вы обратились в королевский совет на изменение брачного контракта с целью взять под полный контроль принцессу. И что мы видим? Или вы знали, что у принцессы есть любовник и не приняли для предотвращения этого меры?

31. Брачный контракт

«Утро вечера мудренее, – подумала Анжелика перед тем, как лечь спать. Но сон не шёл. – Что ж, дорогой мой, ты ещё пожалеешь о том, что отозвал своё ходатайство. Ты хочешь стать моим мужем? Но я-то не горю желанием выходить за тебя замуж, а это значит, добро пожаловать в ад!»

За ночь Анжелика окончательно пришла в себя и теперь была настроена решительно. Утром первое, что она сделала, – предупредила принца, чтобы он выписал пропуск для юриста, которого она сама себе выбрала.

Генри и Трегир уже успели позаботиться об адвокате для принцессы. Они заключили договор с одним из самых лучших юристов королевства, но девушка решила по-своему. И теперь у Анжелики было сразу два личных адвоката: нанятый принцем и герцогом и найденный ею.

Анжелика потребовала, чтобы в её рабочий кабинет доставили все необходимые ей для работы сборники законов, указов, постановлений и положений. Всю неделю принцесса и её юристы работали в поте лица. Они спорили, обсуждали, смотрели судебную практику, читали источники и даже залезли в уложение о семье и браке в Анастасе от 1706 года.

Настал день подписания брачного контракта.

Для участия в этом знаменательном событии прибыли все причастные лица: королева и принц Генри со стороны принцессы и великие герцоги со стороны Трегира, юристы обеих сторон и главный королевский нотариус.

Трегир вошёл в рабочий кабинет в сопровождении своего адвоката. Великий герцог улыбался. Анжелика подумала, что она не знает улыбки Трегира. Обычно их общение сопровождалось насмешками. Сейчас же на его лице была самая обыкновенная добродушная улыбка.

Он занял место напротив команды Анжелики, взял в руки поданный ему исправленный вариант брачного контракта. Открыл его и почему-то вдруг разразился смехом. Смеялся он долго, до слез. Просмеявшись, он сказал:

–Я, конечно, ожидал, что ты что-нибудь такое отмочишь, но чтобы так... Поистине не перестаю тебе удивляться. Ладно, оставим поэзию, перейдём к прозе жизни. Чтобы не было недомолвок, и ты потом не говорила, что не знала, я хочу попросить кого-нибудь из адвокатов озвучить положение замужней женщины в Анастасе.

Все три адвоката, тихо посоветовавшись между собой, дали слово самому молодому своему коллеге, именно тому, которого неизвестно в какой консультации откопала Анжелика. Почти ещё юноша, он встал, поправил галстук. И, открыв кодекс о семье и опекунов, начал давать пояснения:

–В Анастасе при заключении брака в обязательном порядке заключается брачный контракт. По сложившейся практике супруг должен быть минимум на пять лет старше невесты и иметь средства к содержанию семьи.

После заключения контракта невеста полностью попадает под власть и опеку жениха или доверенных лиц, если он укажет таковых. В соответствии с действующими обычаями страны, сразу после заключения брака супруг предоставляет жене одну из свобод.

В Анастасе на сегодня существует три вида свободы либо её отсутствие.

Отсутствие свободы означает, что муж несёт полную ответственность за все действия и поступки супруги, она не вправе принимать ни одно решение самостоятельно, а также лишена права управления имуществом. Супруга не несет никаких обязательств кроме как перед супругом. По сложившейся практике личной свободы лишается невеста с момента подписания брачного контракта и до окончания первого года супружеской жизни.

– Люди, вы это серьёзно? – Анжелика нахмурилась. Она, конечно, читала про все эти виды, но не придавала им значение. – Это даже не средневековые.

Трегир не ответил, а дал знак юристу продолжать.

– Первым видом свободы является ограниченная личная свобода. Супруге предоставляется право на минимальное распоряжение финансами, а также принятие ряда обязательств, но с согласия супруга. По сложившейся практике такая свобода предоставляется на второй и третий год брака.

– Так, это уже ближе к цивилизации. – хмыкнула принцесса.

– Второй вид свободы – это урезанная свобода. – продолжал юрист. – В данном случае расширена зона использования финансов, а также принятия обязательств без согласия супруга, но с обязательным уведомлением. Обычно она предоставляется в последующие годы брака. Третий и последний вид – это полная свобода, то есть супруги в равной мере управляют имуществом и принимают решение. В данном случае ответственность несёт тот супруг, который принял решение. Чаще такая свобода предоставляется женщинам, прожившим в браке более пяти лет, или после достижения двадцати одного года. Брачный контракт, составленный господином Трегиром, предусматривает в различных областях свободы первого и второго порядка, хотя официально указано, что принцессе предоставлено ограничение свободы.

Юрист сел.

Трегир взял в руки экземпляр брачного контракта, который ему в самом начале передала команда принцессы:

–Основное положение: определение статуса. Нет, дорогая, – Трегир оторвался от листов и посмотрел на Анжелику, – я не могу тебе предоставить полную свободу. Я и так тебе предоставил ограниченную и урезанную свободу в зависимости от сферы влияния. Но при этом я оставляю право лишить тебя свободы при нарушении хотя бы одного пункта брачного контракта, если это может повлечь серьёзные проблемы как для супругов, так и для детей, в том числе планируемых. Поэтому на эту поправку я не согласен.

Слово взяли юристы принцессы. Они пытались доказать, что обратный ход будет означать ухудшение её положения и поставит под удар в том числе и его репутацию.

–Господа юристы, я согласен, что при изменении брачного контракта в обратную сторону я должен буду получить согласие королевского совета и поставить вас об этом в известность. Что же касается причины изменения, то она будет афиширована только самой принцессе. Если она пожелает с вами поделиться, это будет её выбор. Я очень надеюсь, что до этого дело не дойдёт.

Место проживания – тут у тебя нет выбора – Анастас, по месту жительства супруга, то есть меня... Поехали дальше: распоряжение финансами. Нет, я не могу тебе предоставить полное распоряжение финансами, потому что тебе принадлежат четыре поместья, не считая двух заводов, а также трёх банков. Что со всем этим делать, ты пока что не знаешь. Но я согласен на включение пункта, что имущество постепенно будет передаваться в твоё управление при условии, что ты будешь способна им управлять. А пока что у тебя урезанная свобода в данном вопросе: той суммой, которая тебе выделяется ежемесячно, ты можешь распоряжаться по своему усмотрению, не уведомляя меня о её использовании.

Так, что у нас следующее: образование и работа. Тут я согласен предоставить тебе полную свободу – поступаешь по своему выбору.

Здоровье... Прости, но это очень важно не только для тебя или меня, но и для будущих детей, поэтому по всем вопросам ты обращаешься к нашему лечащему врачу. На сегодня это доктор Смит. Уведомлять меня о контактах с врачом не обязательно, за исключением, когда это может также касаться меня или наших детей. Анжелика, не надо корчить рожицы, – улыбнулся он, видя как она морщит нос и машет головой из стороны в сторону. – Поехали дальше. Имей ввиду, что на врача лежит обязанность донести до меня важную информацию. В любом случае он обязан тебя предупредить, какая информация будет мне передана, а какая нет. То же самое и со мной: тебе будет сообщаться необходимая информация про меня... Не гримасничай. Это правда, – Анжелика и в самом деле скривила лицо, показывая, что этому она точно не верит. – Так, дальше. Исполнение супружеских обязанностей.

Трегир отложил в сторону контракт. Он смотрел на Анжелику, которая постепенно заливалась пунцовой краской:

– Господа, я понимаю внесённые замечания. Да, я внёс пункт, что отлынивание от супружеских обязанностей приравнивается к серьёзному нарушению контракта. А также, что исполнение их должно быть регулярным, не реже раза в неделю. К сожалению, принцесса воспитывалась в очень пуританской среде. В дальнейшем этот пункт можно будет отменить. Но на первое время, считаю, его стоит отставить. – проговорил он скороговоркой, словно хотел побыстрее уже закончить. – Так, что у нас: планирование детей – по обоюдной договорённости, за исключением первенца.

Трегир положил контракт на столешницу. Сцепил кисти рук в замок. Немного помолчал. Он понимал, что эту деликатную тему лучше всё же обсудить вдвоём, но, увы, этот вопрос просто необходим в брачном контракте.

– В соответствии с законами Анастаса, – он остановился, взял стакан с водой, сделал глоток, – первенец должен появиться или хотя бы зачат в первые полтора года. Ответственность за контрацепцию несёт супруг. Мальчику переходит мой титул, и он является моим основным наследником. Ты передаёшь дочери. При наличии большего количества детей... – Трегир засмеялся, глядя на Анжелику. – Откуда я знаю, может, у тебе и появится такое чувство материнства, что ты десятерых захочешь. В общем, двое детей будут иметь большую долю наследства как основные титулоносители, между остальными наследство делится в равных пропорциях. Так, по этому вопросу у тебя возражений не было, – Трегир пролистнул несколько страниц, которые, по-видимому, Анжелика не исправляла. Наконец он остановился на предпоследней: – Ага, вот он наш камень преткновения. Поездки за рубеж. Анжелика, это нереально – ездить в Россию четыре раза в год без ограничения времени нахождения. Каждая поездка будет обсуждаться отдельно доп соглашениями, которые будут прилагаться к данному

контракту. Здесь не только от меня зависит. – и он снова посмотрел на Анжелику, которая сейчас изучала свои коленки. Ему казалось, что он понимает её состояние. И была бы его воля, он хоть сейчас отпустил бы её. – Первая поездка запланирована летом сроком на две недели при условии, что к моменту поездки ты не забеременеешь. Если же такое произойдёт, то всё будет зависеть от твоего самочувствия и разрешения врача и королевского совета.

– Здрасьте, приехали, а совет при каких кренделях? – голос девушки задрожал.

– Спешу тебе напомнить, что выезд за пределы Анастаса членам королевской семьи может быть разрешён только с согласия королевского совета. Я из этого – исключение. – Трегир собрался продолжить, как был перебит Анжеликой:

– Раз ты исключение, то и я тоже. Муж и жена – одна Сатана, а то как-то нечестно получается. Давай заканчивай. Всё равно ты против моих поправок. – она хмыкнула и демонстративно посмотрела в окно.

Трегир вздохнул и продолжил, как ни в чём не бывало:

– Про монастырь ты зря всё вычеркнула. Зря! Тебе да с твоим необузданным норовом. На месяц, и гадать не надо, точно умудришься съездить на экскурсию. Я согласен с твоими поправками: на первый раз не буду менять положение о твоей личной свободе. Второй раз в монастырь помещаю сроком до трёх месяцев и начинаю закручивать гайки, в третий раз – до полугода, потом – до года, до трёх лет, до пяти. После пяти – на ПМЖ. Очень хочется верить, что ты не будешь покидать этот суетный мир надолго. Он этого не заслужил. Если это все, то контракт можно подписать, – Трегир поставил подпись и печать. Подождал, пока все участники сделают то же самое. – Анжелика, подойди ко мне...

– Господин Трегир... – в голосе королевы прозвучала мольба.

Трегир повернул голову на голос:

– Ваше Высочество, я помню наш с вами разговор и, поверьте, я знаю, что делаю... Анжелика, я жду.

Девушка вздрогнула. Ей было неуютно под обращёнными на неё взглядами. «Что ему надо? Что такое, чего я не знаю?» – она потёрла виски, словно болела голова.

– Что ж, будем надеяться, – вздохнула королева.

В кабинете повисла тишина, которую прервал нотариус:

– Ваше высочество, вам следует подойти к господину Великому герцогу младшему. Если вы этого не сделаете, вас доставят к нему.

– Доставят? – Анжелика приподняла одну бровь. – Вы это сейчас серьёзно? Доставят невесту к жениху, как преступника на казнь?

Великая герцогиня отодвинула стул, встала и подошла к девушке. Она подала руку и позвала за собой. Анжелика выдохнула и со словами: «Что ж, пошли, коли так надо. Может, он сейчас объявит о разводе».

В тот день, когда Трегир отозвал своё ходатайство и назвал дату предстоящей свадьбы, королева пригласила его в свой кабинет сразу после королевского совета.

– Господин Трегир, – сказала она волнуясь. Елена Венгерская ходила по кабинету, нервничала. Было видно, что ей трудно и неудобно было говорить. – Я, как и принцесса, выросла в другой действительности... – королева остановилась, сделала глоток воды. Трегир догадывался, о чём пойдёт речь, но пока воздерживался от того, чтобы перебить Её Высочество. – И некоторые анастасийские обычаи и традиции очень сложно принять и понять тем, кто с ними не вырос, – опять остановка, опять глоток воды. – Я хочу поговорить о процедуре подчинения, – снова остановка. Снова глоток воды. – От имени моей дочери я бы хотела вас попросить не делать этого. Это сложно для тех, кто не привык к этому. Сложно психологически смирить свою гордыню. Ну или без свидетелей...

– Ваше высочество, я вас услышал. Не надо продолжать. Я подумаю... Не надо принцессу к этому заранее готовить. Мне важно подписать брачный контракт. Я боюсь, что она сорвёт подписание, если узнает о второй части. Но... Я постараюсь помягче.

– Согласно анастасийскому обычаю, после официального подписания брачного контракта девушка должна показать свою покорность и подчинение своему господину, – пожилой юрист Трегир поднялся. Поправил галстук. Одёрнул пиджак. – Никто не должен знать, что может попросить будущий муж. Невеста должна исполнить всё, что ей будет поручено. Я буду комментировать по ходу при необходимости. По окончании процедуры подчинения следует обязательный постриг.

Мужчина знаком руки показал, что можно приступать. Снова воцарилась тишина.

Принцесса смотрела, как Трегир расстилает на столе салфетку, кладет ножницы, мешочек. В глазах девушки застыло недоумение. Она силилась, но не могла понять, ЧТО сейчас произойдёт.

– Анжелика, я тебя прошу отнестись спокойно к тому, что я тебе сейчас тебя попрошу. – он взял её руку и потянул на себя. Девушка сделала пару шажков. Стало жарко и страшно.

Она оглянулась. За спиной стоял Генри. Она не заметила, когда будущую свекровь заметил брат. Значит, они чего-то опасаются: сейчас может произойти то, что ей придётся не по нраву.

– Ты меня слышишь? – Трегир говорил тихо по-русски, глядя ей в глаза. Ему нужен был полный контроль. – Я не сделаю тебе ничего плохого. Поэтому сначала выслушай. Ты должна мне подчиниться. – у неё заходили желваки на скулах. Одно слово «подчинение» вызывало у неё панику. Он не выпускал её руку из своей, поглаживая пальцами по ладошке, как бы говоря: «Всё хорошо». – Выслушай меня до конца, – Трегир вовремя среагировал на движение. Он резко развернул её и посадил себе на колени, прижал. – Я просил тебя выслушать. Анжелика, я не сделаю тебе ничего плохого. Я тебя ещё ни разу не обманывал. Мне нужна всего-навсего прядь твоих волос. Только постриг и ничего более. Сейчас ты сама возьмёшь ножницы и срежешь волосы из косы. Хорошо?

– Нет, не хорошо. У себя стриги, – она попыталась вырваться из его сильных рук, но он только крепче прижимал её к себе.

У него не было выбора. Он обязан был её подчинить себе. И дело было не его желания или желания её семьи. Королевский нотариус вёл протокол церемонии. Трегиру успели передать, что в противном случае процедуру проведут при малом королевском совете. И тогда будет не только постриг.

– Анжелика, услышь меня. Всего-навсего срезать несколько волосков. Вот скажи мне, что в этом такого?

В самом деле, не действие пугало девушку, а его значение. При всех выполнить волю того, кого навязали тебе в мужья. Нет, она не готова мириться. До свадьбы ещё далеко. Кто знает, откуда может прийти помощь.

– Господин Трегир, я предлагаю прерваться и перенести заключение на другое время. – Нотариус начал складывать свои принадлежности. – Тем более, что вы ходатайствовали о сокращении обряда по надуманным причинам. Вы же видите, что принцесса нуждается в более жёстких рамках.

– Если ты сейчас не возьмёшь себя в руки, мне придётся успокоить тебя при помощи укола. – перешёл он на русский. – Генри, ампула у тебя? – спросил он у принца, не поворачивая головы. – Господин нотариус, – Трегир улыбнулся, поднял голову и посмотрел на нотариуса. – Я просто по-русски объяснил принцесса значение обряда. Я боюсь, что всё-таки её английский словарный запас далёк от совершенства. – Что, укол или... В противном случае будет всё то

же самое, но на королевском совете. – снова он обратился к Анжелике, в очередной раз говоря на русском.

Анжелика посмотрела на окружающих. Одна против всех. Брат стоял совсем рядом. Ей даже показалось, что она чувствует, как острая игла касается её предплечья.

«Сам срежь...» – прошептала она, заливаясь пунцовой краской.

Трегир облегчённо выдохнул, подал ножницы Анжелике.

– Смелее. Давай уже закончим процедуру.

Она обвела всех взглядом, как бы ища поддержки. Через силу заставила себя взять косу, ножницы... Как постриг в монастырь. Смирение. Какое смирение, если гордыня против? Тишина. Все ждали. Это не могло продолжаться вечно. Трегир держал её у себя на коленях.

– Ну, давай, милая моя девочка. Так положено.

Выдохнула и над листом бумаги срезала кончик.

– Вот и умница, – Трегир не отпускал её. – Подожди, мы сейчас это упакуем... – он пере-сыпал в круглый медальон-амулет, где красовался герб великих герцогов. – Передадим нота-риусу... А теперь попросим наших ювелиров надеть тебе браслет.

Он вовремя среагировал. Анжелика знала про браслеты, которые носили невесты, жёны, содержанки. «Хорошенькое украшение, хорошо, что не на шею ошейником, а всего лишь на руку. Я не буду это носить, никогда!» – заявила она ему после случая с Кароль. Да он и не настаивал. И вот сейчас этого требовал обычай: запаянный на руке браслет.

– Хватит вырываться, – прошипел за спиной брат. – А то припаяют прямо к коже.

Ювелир быстро справился с задачей. Тонкий браслет из переплетённых нитей белого, жёлтого и розового золота, которые соединялись мелкими цветочками с рубиновыми сердце-винами.

Раздались аплодисменты окружающих.

– Ну вот и всё, теперь ты моя законная невеста. Я не стал ставить на браслете герб и дату свадьбы, ибо ты до сих пор хочешь сохранять инкогнито. – Трегир ослабил хватку. Девушка тотчас вскочила. – А теперь поцелуй. – улыбнулся он, поднялся следом, протянул руку к лицу, чтобы убрать волосинки с лица, но она дёрнулась назад.

– Слушайте, вы пока поженитесь, полдворца покалечите, – раздался приглушённый голос Генри.

Анжелика обернулась. Брат держался одной рукой за нос:

– Что, разбила ты мне его. – сказал без злости.

– Скажи спасибо, что не другое место. Всё, надеюсь, что теперь долго не увижу ваши рожи.

Ей хотелось сбежать, спрятаться, умереть. Но отойти в сторону не дал Трегир. Он по-прежнему держал её за руку:

– Я думаю, все могут быть свободны, кроме Анжелики. До свидания, господа, спасибо за работу.

Трегир подождал, пока все выйдут и только после этого отпустил принцессу.

Она отошла на безопасное расстояние, подняла руку и с каким-то детским ужасом посмотрела на браслет.

– Отомри, самое страшное для тебя позади. Теперь давай займёмся более приятными вещами. – Девушка подняла на него глаза, чувствуя, как краска заливает лицо. – Я не знаю, о чём ты там сейчас фантазируешь, – Трегир засмеялся, – а я о подготовке к свадьбе. Этим ты займёшься вместе с братом и Мэри. Не понимаю, почему ты отказалась от помощи королевы. Её советы могли бы быть полезными для тебя. Она, как и ты, прошла всё это, – и он обвёл руками кабинет, словно в нём заключалось нечто важное. – Я начну заниматься твоими при-глашёнными. До свадьбы ты будешь жить в королевском дворце, как мы с тобой и договари-вались ранее. Я тебе предоставляю машину с Манфредом. Когда он свободен – ты можешь им

распоряжаться по своему усмотрению. Если тебе захочется со мной встретиться, дай мне знать. Сам я мелькать без необходимости перед твоими глазами не буду. Я не собираюсь лишать тебя свободы, если ты пообещаешь не безобразничать. Имей ввиду, за тобой установлено ежесекундное наблюдение. Не провоцируй, и мы останемся друзьями. Договорились?

–Я не хочу выходить замуж... – повторила Анжелика упрямо.

Трегир подошёл к девушке, поднял её голову, посмотрел в глаза.

–Анжелика, мне кажется, что ты никогда не отличалась глупостью. Что с тобой случилось сейчас? Я это уже слышал. Об этом знает весь королевский совет. Ты сама лично выслушала ответ. У тебя нет выбора. Угомонись. Смири свою гордыню. Скажи, ты соглашаешься с моими условиями или нет. Если нет, то все вопросы о проведении тобою досуга будет решать твой брат.

Анжелика склонила голову, упёрлась руками в грудь Трегира, как бы отталкиваясь от него, и с лёгкой полуусмешкой произнесла:

–Значит, ты не будешь знать, куда мы будем ездить с Манфредом? Хорошо, я согласна. Но не говори мне, что я не предупреждала тебя, что жизнь со мной раем не покажется...

–Ага, а я-то наивный юноша полагал, что самое плохое уже позади. Мне кажется, с того момента, как я нашёл тебя, ты только и делаешь, что испытываешь меня на прочность. Да, я хочу, чтобы ты приучала себя к мысли, что свадьба неизбежна. Мне до сих пор не понятно, почему некогда ты внушила себе, что я никогда не привезу тебя в Анастас. Теперь ты убеждаешь себя, что никогда не станешь моей женой. И женой станешь, и жить будешь в Анастасе. И ребёнка ты мне родишь. Ещё и влюбишься в меня. У тебя нет вариантов.

32. Прогулки с Манфредом

Наступили летние месяцы, но юная принцесса не радовалась их приходу. Она столько планов возлагала на это лето, но Королевский совет даже слушать её не стал. Сказал, что пока не убедятся в её благонадёжности, пусть даже не заикается о поездке в Россию. И вообще, чего ей не живётся в Анастасе. Сильно хочется слетать в отпуск: есть всякие острова, где отдыхает народ с капиталами. На самом деле они боялись, что она просто-напросто не вернётся и им опять придётся снаряжать экспедицию на её поиски.

– Ваше высочество, – сказал спикер, когда принцесса подала ходатайство на выезд. – Вы напрасно нас за шутов держите.

– А я и не держу. Идите куда хотите, – в сердцах выдала принцесса, услышав отказ.

– Моя дорогая, я как погляжу, ты так полюбила Анастас, что даже не мыслишь покинуть его хотя бы на неделю. – ехидно проговорил Трегир после совета. – Ещё раз покажешь неуважение к совету и считай, граница для тебя будет закрыта на долгие времена.

– Слушай, без тебя тошно. – отмахнулась она, а сама задумалась, что такое устроить, чтобы они сами от неё мечтали избавиться.

– И не мечтай. – Трегир не смотрел на неё, но догадывался, о чём она думает. – Максимум, чего ты добьёшься – это препровождение тебя в моё поместье под бдительный надзор Великой герцогини. Верить, её даже сам Великий герцог боится. Так как?

– Как, как? Кверху каком, вот как, – огрызнулась она. – Если я попрошу тебя испариться с горизонта... – Анжелика вопросительно посмотрела на Трегира.

– Предлагаю оптимальный вариант. Летняя королевская резиденция. Встреча с королевой-матерью на завтраках и ужинах. Один пропуск, и ты переезжаешь на север страны к Великим герцогам. Но! – он поднял палец и лукаво посмотрел на невесту, – я тебе разрешаю рыбачить, кататься на конях, помогать в местной пекарне, косить сено... В общем, всё, что пожелает душа, разумеется под бдительным оком родимого братца, Лаура или Майкла. Идёт.

– Вот уж удружил, благодетель ты мой. – усмехнулась она, но предложение приняла. – Облобызать тебя не надо за поистине королевский подарок. Прямо шуба с барского плеча. – и она демонстративно поклонилась по русскому обычаю, коснувшись пальцами земли.

– Похвально, похвально, – Трегир не мог оставить без ответа откровенный стёб, – вот всегда бы так. Думаю, из тебя получится примерная жена.

В назначенный день Генри привёз мать и сестру в резиденцию.

Королева своё общество без необходимости дочери не навязывала, про свадьбу не напоминала.

Компанию принцессе составляли Мэри, как фаворитка, и Кароль. Впрочем, Кароль недавно стала матерью и все её заботы и разговоры сводились в одному: подгузники, кормление, сыпь да прогулки.

Нельзя сказать, что Анжелика была в восторге от таких каникул. Чаше остальных сопровождал её Лаур. А где Лаур, там и Мэри. Поэтому рыбачить ей нравилось с братом. Тот лишний раз не докучал, а сидел рядом и паялся на свой поплавок.

Лето, несмотря ни на что, закончилось внезапно: вчера ещё был август, а сегодня уже сентябрь. А за ним последовало и возвращение в столицу. После иллюзорной свободы на чистом воздухе, девушка почувствовала себя птицей в клетке. Но, с другой стороны, её ждала учёба. Девушка набрала целую кучу модулей, чтобы некогда было скучать.

Трегир, как и обещал, предоставил своей невесте личного водителя, того самого, который был её личным врагом в России, но стал если не другом, то хорошим человеком в Анастасе.

Сегодня лекций не было. Остаться в четырёх стенах, когда за окном золотая тёплая осень – не слишком весёлая перспектива. Анжелика решила воспользоваться предоставленной ей возможностью прокатиться по магазинам.

Девушка взяла телефон и попросила соединить её с Манфредом.

– Простите, Ваше Высочество, но мне не поступало распоряжения от господина Трегира. – Манфред однажды уже чуть было не лишился места и теперь не хотел рисковать. – Вы ему перезвоните.

– Нет, это неважно. Ладно, в следующий раз. – она положила трубку и подумала, что как-то странно получается: водитель – её, а разрешение от Трегира.

Минут через пятнадцать раздался телефонный звонок. Она скорчила гримасу, догадываясь, кто бы это мог быть.

– Манфред сказал, что ты хотела съездить в магазин. Я сегодня пораньше освобождаюсь. Не против, если ты сейчас покатаешься с Манфредом, а потом мы с тобой уже сходим в магазин.

– Против. Не нужны мне магазины. – ответила Анжелика. – Не хочу сидеть во дворце. Парк у меня тоже уже оскомину набил. А куда ещё в твоём дурацком королевстве поедешь?

– Сегодня как-то мягко ты о родном королевстве, – в трубке раздался несколько разочарованный голос Трегира. – Спускайся в гараж. Я сейчас перезвоню Манфреду и скажу ему, чтобы он выгонял машину. Но, имей ввиду, если ты исчезнешь, Манфред лишится работы и пенсии.

– Жалкий шантажист, – пробурчала она, но отказываться от поездки не стала.

Солнце так и манило на улицу. Голубое безоблачное небо и еле ощутимый ветерок навевали мысли о свободе. Хотелось сесть в паутинку и лететь, куда понесёт. Всё равно, хуже уже не будет.

– Манфред, поехали за город! Туда, где за лесом синееет гора, туда, где нас не найдут никогда. – она села на переднее сидение.

В машине приятно пахло тёплой кожей. Девушка посмотрела на руки водителя: загорелые, покрытые золотистыми волосками, с выпирающими венами. Короткий рукав плотно прилегал к накаченному бицепсу.

– Поехали, – он посмотрел на принцессу, проверил ремень безопасности, повернул ключ в замке зажигания. – Опять поругались с Трегиром? – спросил Манфред, когда они пересекли дворцовые ворота.

– Да пошёл он куда подальше, – Анжелика улыбнулась. – И он пошёл, пошёл, пошёл...

– Вот я смотрю на вас: и умная, и красивая, а где женская хитрость? Вам бы с ним подружиться.

– С ним? Я что, белены объелась? Нет уж, назвался женихом, пусть страдает. – хмыкнула она.

– Ой ли, – Манфред был одним из немногих, кто мог позволить себе в подобном тоне разговаривать с принцессой. – Как бы вам страдать не пришлось. У него власть. А вы под его властью. Только всякой властью можно манипулировать, особенно если власть в лице мужчины, а манипулятор в лице женщины.

– Не учи меня жить, лучше подскажи, как избавиться от ненавистного жениха.

– Сделать его навистным. – улыбнулся он.

Покружив бесцельно по городу, машина пересекла городскую черту.

Анжелика глянула на часы. По времени они должны были возвращаться во дворец, но не было на то похоже. В такую погоду возвращаться ей совсем не хотелось, поэтому она смотрела в окно, стараясь не подавать вида, что время уже подошло. Машина выехала на горную дорогу и стала по серпантину карабкаться вверх. С одной стороны за окном у подножья расстилалась

столица со своими парками, магистралями, многоэтажками и фонтанами. По другую сторону – сосны, стремящиеся к небу и солнцу. Машина въехала на автостоянку и остановилась.

– Ваше Высочество, предлагаю прогуляться, – Манфред открыл дверь машины и подал руку.

– А ты не боишься, что убегу? – с удивлением спросила Анж, но из машины вышла.

– Не боюсь. Отсюда бежать либо вниз по дороге, но это не очень удобно, либо через лес – это опасно, потому что очень круто. Пойдёмте, смотрите, как здесь красиво.

Анжелика улыбнулась. Манфред, несмотря на то, что сказал, что убежать ей некуда, взял её за руку. Анжелика почувствовала крепкую хватку. Она выучила эту хватку хорошо, ибо её постоянно использовал Лаур. Вроде рука не зажата, но малейшее движение – и ты попадаешь в тиски.

Они прошли вверх по дороге, и перед их взором возник средневековый замок, у подножия которого расположилось уютное кафе. Сегодня светило солнце. Ни ветер, ни дождь не портили погоды, и поэтому немногочисленные туристы уселись за столики. Сюда не долетал городской шум, и только птицы заполняли эфир своим щебетанием. К ним навстречу вышел официант. Манфред что-то сказал ему, и официант провёл их за крайний столик, где стояло пять приборов.

– Что ты ему сказал? Ты что-то заказал? – спросила Анжелика у Манфреда, когда официант ушёл.

– Да. Я заказал аперитив: вам и себе по свежавыжатому яблочному соку. Вы не возражаете?

Анжелика отрицательно покачала головой. Она села за столик, выбрав место, откуда открывался замечательный вид на плато. Это была другая сторона горы, и взору предстал поистине райский вид на деревню и пасущихся коров. Она подставила лицо солнцу. Около ног жался щенок, которого Анж взяла сегодня с собой. Девушка опустила одну руку и пальцами тербила кончик собачьего уха. Давно она не чувствовала себя такой счастливой. Никто не читал нравоучений, не приставал.

Манфред как верный телохранитель сидел рядом молча, не мешая ей думать о чём-то своём. Прикосновение к щеке чужих губ заставило её вздрогнуть. Она хотела возмутиться, что Манфред себе позволяет, но неожиданно для себя увидела Трегира.

– Трегир? Ты что здесь делаешь?

– Я, – Трегир сел рядом с Анж, – решил пообедать. Манфред, спасибо, ты можешь идти.

Анжелика посмотрела, как Манфред встал и собрался уходить. Потом посмотрела на Лаура, который сел на то место, где только что находился Манфред:

– Манфред, стой. Ты куда? – Анжелика с гневом посмотрела на Трегира: – Что, господа за одним столом со слугами не едят? Брезгуешь, что ли? Я хочу, чтобы Манфред остался с нами.

– Простите, Ваше Высочество, но я не могу остаться. У меня дела. До свидания, – Манфред слегка наклонил голову, как бы прощаясь, быстро повернулся и ушёл.

– Анжелика, он же сказал, что у него дела. Успокойся, – Трегир подал ей меню.

– Конечно, а что он ещё скажет, если шеф приказал ему убраться. Я не хочу есть. Я пойду к машине, чтобы Манфред отвёз меня во дворец...

– По какому поводу война? – спросил подошедший Генри. Он и его адъютант сели на оставшиеся два стула. – Трегир, ты потом сам отвезёшь Анжелику во дворец или мне придётся это сделать? Я сейчас встретил Манфреда. Он сказал, что ты его отпустил сегодня.

– Да, он меня ещё неделю назад предупреждал, что сегодня помогает тёще переезжать в новый дом, – Трегир сделал заказ на себя и Анжелику, которая сидела, демонстративно закрыв меню. – Я сам отвезу Анжелику во дворец, если она пожелает, – он выделил последнее слово. – Вообще-то, я собирался отвезти её в деревню Макре, где сегодня праздник урожая. Но

она только что заявила, что хочет во дворец. А, Анжелика, куда поедет? – Трегир с улыбкой посмотрел на девушку, которая сидела, закусив нижнюю губу. – Ладно, после еды видно будет.

Обед проходил медленно. Мужчины о чём-то разговаривали, не обращая внимания на Анж. Она сначала пыталась вслушаться, о чём они говорят, но вскоре поняла, что сказанное к ней не имеет никакого отношения, и погрузилась в свои мысли. Она пыталась приучить себя к мысли, что скоро придётся выйти замуж за Трегира. На подготовку к свадьбе оставалось всего пять месяцев с небольшим. Но её внутреннее Я протестовало.

После обеда она послушно пошла за Трегиром, который попросил её отдать собаку Лауру, чтобы тот отвёз её во дворец.

Дорога каким-то таинственным образом отделилась от того серпантина, по которому они поднимались, и убегала в ту деревню, которой любовалась Анж во время обеда.

Гости и хозяева только начали собираться на центральной площади. Анжелика с интересом рассматривала национальные яркие костюмы крестьян. Особенно умиляли бегающие среди взрослых ребяташки. Они носили в руках маленькие корзинки и угощали всех крупными красными яблоками.

В четыре часа началась официальная часть, которая плавно перешла в концерт. Потом всех пригласили к столам, установленным в полях. Столы ломились от угощений. Чтобы пройти к ним, надо было купить символический билет. Трегир купил два.

Вокруг столов уже толпились люди. Они накладывали еду в картонные тарелки. Несмотря на то что Анжелика никогда не придавала еде важное значение, у неё разбежались глаза от этого многообразия колбас, сыров, овощей, фруктов и сладостей. Она посмотрела на Трегира и виновато улыбнулась:

– Ты можешь посоветовать?

Он приобнял её за талию, поцеловал в висок и интимно прошептал на ухо, словно рассказывал страшную тайну, а другие могли её подслушать: «Конечно, дорогая. Мне думается, что должно понравиться...» – он подводил к подносам со снедью. Анжелика брала по чуть-чуть, пробовала и оставалась довольна.

– У тебя хороший вкус. – улыбнулась она в очередной раз.

– Разумеется, иначе бы со мной рядом сейчас не ходила бы такая милая язвочка. – за что тотчас получил пощёчину. – Драться ногами не честно.

– Так руки заняты, – беззлобно парировала Анжелика.

– Давай, поддержи твои тарелки. – предложил он.

– А как ты будешь защищаться. Я беззащитных не обижаю. Ой, пойдём туда, – и она поспешила к месту, откуда раздавалась музыка.

Трапеза постепенно перерастала в танцы под открытым небом. Сельская музыка заводила, танцоры ходили среди толпы и приглашали присоединиться к ним.

Анж и Трегир отплясывали с остальными так, как будто занимались этим всю свою жизнь. Девушка смеялась. Потом под звёздным небом начались прыжки через костёр, ночные песни, где крестьяне благодарили землю за урожай и желали всем спокойной ночи.

Часа в три ночи герцогу удалось увести принцессу с праздника. Народу почти не осталось. Становилось прохладно. «Я не хочу спать... – ворчала Анж. Она, как алкоголик добирается до бутылки, добралась до настоящего праздника и сейчас не хотела с ним расставаться. – Это тебе завтра на работу!»

Анжелика не заметила, как в машине её сморил сон. Сквозь сон девушка почувствовала, как её осторожно подняли на руки, куда-то несли, потом положили.

Она проснулась в своих апартаментах во дворце Великих Герцогов. На столе её ожидала записка, в которой Трегир приносил извинения, что привёз сюда, мотивируя тем, что не хотелось её будить и что после завтрака её будет ждать Манфред, чтобы отвезти в университет.

– Та-ак, – протянула Анжелика, – воспользовался моим спящим состоянием. Что же, это ему будет дорого стоить.

Её так и подмывало найти Трегира и высказать ему в лицо всё, что она думает о нём. Но... он словно провалился сквозь землю. Секретарь отвечал, что Его Превосходительство просило ни с кем не соединять. Анжелика это поняла так: «Чтобы о принцессе я даже не слышал!»

«Понятно, нашкодил и скрываешься! Ладно, я тебе припомню!», – думала она про себя.

Манфред, как обычно, забрал её после занятий и предупредил, что сегодня он не сможет покатать по городу.

– Ты не можешь меня взять с собой? Ты к Трегиру? – спросила Анж печально.

– Нет, просто мне надо решить некоторые семейные проблемы. Господин Трегир разрешил. Я вчера не успел всё завершить.

– Возьми меня с собой. Я тебе обещаю, что буду вести себя тихо как мышка, – её голос звучал как-то трогательно-печально.

Некоторое время Манфред ехал молча. Он изредка бросал взгляды на примолкшую девушку. Наконец, он не выдержал давящей тишины, остановил машину:

– Пересаживайтесь на переднее сиденье. Только, Ваше Высочество, если вы меня подведёте, то вас больше выпускать без охраны не будут, а я с работой попрощаюсь. Могу положить на ваше слово? – после вчерашнего, когда Анжелика так заступалась за него, Манфреду хотелось сделать что-нибудь хорошее для маленькой принцессы.

– Обещаю. Спасибо, – Анжелика сразу повеселела. – Манфред, я могу тебя ещё об одном попросить? Не говори своей семье, что я принцесса. Зови меня Анжелой. Хорошо?

Машина ехала по жилым кварталам города, где Анжелика ещё ни разу не была. Они остановились около одного из пятиэтажных домов. Манфред два раза посигналил. Вскоре из подъезда выбежала пятнадцатилетняя девушка. Она явно намеревалась сесть впереди, но увидев там незнакомку, демонстративно хмыкнула, и, забравшись на заднее сиденье, хлопнула дверью.

– Изабелла, неплохо было бы поздороваться, это во-первых. А во-вторых, пожалуйста, не хлопай дверью, это не наша личная машина, – сказал Манфред назидательно и, перейдя на русский, извинился перед Анжеликой. Но та в ответ лишь махнула рукой, как бы говоря: «Да ничего страшного».

– Если это не личная машина, то чего тут этих возишь? – Изабелла, внешне похожая на отца, совсем не была скромной анастасийской девушкой, которая должна молчать и не перечить. – Отец, я предлагаю её посадить, прежде чем ты заедешь за мамой.

Манфред ничего не ответил и молча закрыл перегородку, отделяющую пассажирскую часть от водительской. Анжелика, не ожидающая такого поворота событий, попросила её отвезти во дворец, не желая причинять ему неприятностей. Манфред успокоил девушку, сказав, что его жена ничего те только не скажет, но даже и не подумает.

Машина пересекла город по тоннелю и поднялась на поверхность в другом районе. Это были частные дома среднего класса. Манфред остановил машину около одного из невысоких домов, скрывающегося за деревьями, начинающими менять свой наряд с зелёного на золотой. Он открыл перегородку и попросил Изабеллу сходить за мамой.

– Что, боишься оставить свою красавицу со мной? Не пойду. Мама сказала, что у неё тяжёлая сумка, – Манфред в задумчивости посмотрел на Анж. Та кивнула, как бы говоря, что она помнит договорённость. Манфред вышел, заблокировав двери на всякий случай. Изабелла, оставшись вдвоём с Анжеликой, решила атаковать её незамедлительно: – Что, молодая любовница моего отца, или как там... Думала, что тебе так всё сойдёт? Я не собираюсь тебя терпеть. Я не хочу, чтобы из-за тебя плакала мама.

– Я не любовница твоего отца. Ты посмотри, мы с тобой почти ровесницы. Он же намного старше меня, – Анжелика поняла, что эту молодую особу надо осадить, иначе всю дорогу она будет доставать обоих родителей. – И прежде, чем что-то говорить, надо бы научиться думать...

– Что ты тогда делаешь в машине отца? Знаешь, кого он возит? – не унималась Изабелла.

– Я иностранка. И твой отец показывает мне город? Это что, нынче запрещено?

В это время в машину вернулся Манфред. Одной рукой он прижимал к себе мальчика лет четырёх, а в другой нёс огромную пузатую сумку. Рядом с ним семенила маленькая и очень хрупкая женщина, по-видимому, это и была его жена. Женщина села в машину, вежливо поздоровалась.

– Мама, смотри, какое новое увлечение у нашего дорогого папочки. Он привёз себе любовницу из-за границы. А может, это любовница господина... – но договорить ей не дала мать, которая сильно сжала руку дочери, а потом тихим голосом произнесла:

– Изабелла, пожалуйста, успокойся. Наш отец имеет право возить в машине, кого хочет, и ты прекрасно это знаешь.

Что она говорила дальше, Анжелике не слышала, потому что Манфред закрыл перегородку. Перейдя на русский язык, он обратился к принцессе:

– Жена попросила отвезти в магазин. Мне надо будет ей там помочь. Простите, но я не знаю, что мне делать с вами.

– Я могу поехать в магазин? – спросила девушка. – Обещаю, что буду рядом и не сбегу. Я прошу прощения, что доставляю столько неудобств, – Анжелика понимала, что самое идеальное – ехать во дворец, но эгоизм взял своё. В тому же ей было ужасно интересно посмотреть, в каких магазинах закупается средний класс. Девушка была уверена на все сто процентов, что они не имеют ничего общего с теми, куда они ездят с Трегиром.

– Хорошо, я надеюсь, что вы меня не подведёте. – с этими словами он открыл перегородку. Они подъехали к большому торговому центру.

Это оказался супермаркет. Анжелика сказала Манфреду, что пройдёт по рядам.

– Я всегда держу слово, ты же меня хорошо знаешь. – она улыбнулась и пошла по рядам.

Девушка брала в руки то одну баночку, то другую, рассматривая и читая упаковки. Много она видела впервые. Изабелла, как липучка, ходила за ней по пятам. Её заинтересовало поведение Анжелики. Казалось, что эта девушка была в таком магазине впервые.

Наконец, Анжелика увидела аккуратные ряды тонких пачек женских сигарет. Она решила купить одну. В последнее время сигареты ей покупала Мэри, хотя каждый раз обещала, что больше этого делать не будет и всё расскажет Трегиру. А этого Анж хотелось меньше всего. Она знала, что по головке её не погладят.

Денег у неё с собой не было, вернее, они остались в рюкзаке в машине. Надо было найти предлог, чтобы вернуться за ними или занять у Манфреда.

Изабелла увидела, как отец открывает кошелёк и даёт Анжелике купюру в сто фунтов.

– Ты мне и двадцать фунтов не даёшь, а этой... И ты смеешь утверждать, что она не любовница! – рассерженная Изабелла подошла к отцу. – Я тоже кое-что хочу купить себе. Дай мне тоже денег.

– Изабелла, я дал из служебных денег. То, что хочешь, возьми, я оплачу карточкой.

– Нет, я хочу купить сама, – не унималась Изабелла.

– Изабелла, мне нужна твоя помощь, – Анжелика взяла девушку за руку и утащила в ряды с товаром. – Изабелла, я хочу купить вот это, – Анж показала ей голубую длинную пачку с дорогими сигаретами. Она знала, если Манфред узнает, что она собирается купить, ни за что не разрешит. Мало того, Манфред доложит Лауру в лучшем случае. Но это тоже не вариант.

– Ты чего? Тебе сколько лет? – Изабелла нахмурилась. У них в семье никто не курил. Никотин был строго под запретом. Когда-то её отцу пришлось бросить это занятие – такого было требование Великого герцога – младшего, на которого он сейчас работал.

– Девятнадцать. – Девушка рассуждала так, что раз её можно выдать замуж, то она сама себе может позволить идти против закона и воли Трегира. Теперь стоял перед ней вопрос: как совершить покупку, чтобы никто не заподозрил? Надо купить что-то ещё, но что? Капризная Изабелла могла очень даже ей пригодиться. – Смотри, это стоит пятнадцать фунтов. Остаётся ещё восемьдесят пять. Что ты хочешь купить? Выбирай, я заплачу.

– Что, решила дочку подкупить? – хмыкнула Изабелла. – Не выйдет. Деньги-то папе придётся в казну вкладывать. Я впервые вижу, чтобы он давал служебные.

– Слушай, Изабелла, – перебила Анжелика. – Твой отец дал мне деньги, потому что просто у меня с собой нет. Они есть в машине. Я ему сегодня же отдам всю эту сумму. Давай так, ты берёшь, что тебе надо, только не говори отцу, что это для тебя... – увидев удивлённый взгляд девушки, Анжелика решила, что какое-то объяснение, но дать придётся. – Значит, так: если твой отец увидит у меня сигареты, то мне может быть очень даже плохо. Мои хозяева запретили мне их брать. Поэтому твоей покупкой я хочу скрыть свою. Оставшиеся деньги я отдам тебе. Ну как, идёт?

Перспектива иметь наличные деньги прельстила Изабеллу и она мгновенно из бывшего врага превратилась в друга. Девушки остановились около одной из полок с косметикой, которую можно найти в любом крупном супермаркете. Они с таким увлечением рассматривали тени и губную помаду, что синхронно вздрогнули от неожиданности, когда услышали захватившийся голос Манфреда:

– Я потерял вас. Что вы тут делаете?

– Изабелла помогает мне выбрать макияж, – пояснила Анж. И, увидев удивлённое лицо Манфреда (зачем принцессе дешёвые подделки), поспешила добавить: – Это для младшей сестры. Мы сейчас.

На обратном пути Изабелла молча смотрела в окно. Она не протестовала, когда отец объявил, что вначале отвезёт их с мамой домой, а потом незнакомку.

А на утро Анжелика получила огромную коробку от всемирно известной косметической марки. Что там только не было: и тени, и тушь, и помада разных цветов, всякие жидкости, тюбики, кисточки, зеркала.

– Мэри, подарить? – спросила принцесса у фаворитки.

– Я думал, что ты решила заняться макияжем, – Трегир с интересом наблюдал за невестой. – Похоже, что тебя это мало интересует. Вопрос присутствующим: что ты купила в супермаркете, о чём я не должен знать? Анжелика, ты же понимаешь, что я всё равно прознаю. Кассу подниму. Так как?

– Жандарм моей жизни, подарок хотела сделать дочери Манфреда. Чтобы она не убила меня до конца поездки, – усмехнулась принцесса, но внутренне напряглась, когда Трегир поднял телефонную трубку.

– Ладно, хотя у меня есть предположение, ЧТО ты могла купить. Очень надеюсь, что я ошибаюсь, но предупреждаю: если узнаю, что ты куришь – лишишься наличных. Только карта или чек.

– Ищи, ищейка, раз не веришь, – Анжелика попыталась произнести как можно убедительнее...

33. Межсезонье. Декабрь–январь

Анжелика посмотрела в окно. За стеклом бушевала метель. Она была какая-то не настоящая, пусть и снежная, эта метель. Казалось, что ветер гроздьями швырял снег, который до земли долетал мокрыми лохмотьями. Дорожки сада неизвестный художник разукрасил в бело-чёрную гамму. Зима ещё не закончилась, так толком и не начавшись.

Зима... Анжелика не знала, что будет скучать по морозам и холодам, ожидать первый снег и первую оттепель. Здесь всё было по-другому. Почти до декабря стояло тепло и шёл дождь. Потом вдруг резко похолодало, если это можно назвать холодами: температура опустилась до нуля. Затем пошёл снег, который, подлетая к земле, превращался в капли дождя. Второй день бушевал ветер, отчего промозглая сырость валилась за воротники, плюхалась на лица, залезала в обувь.

За это время она не успела привыкнуть к местным зимам, таким коротким. Да и новогодние праздники как-то проходили мимо неё.

В первый Новый год Трегира не было, и сопровождать её было некому. С королевой общение было сведено практически к нулю. Поэтому вся серия рождественских и новогодних балов прошла где-то рядом. Подарки ей принесли в комнату, ибо выйти в праздничный зал она отказалась, мотивируя тем, что воспитывалась в мусульманской семье и католические праздники не признаёт.

В тот год Трегир звонил накануне новогодней ночи и спросил, как она намерена праздновать. Ему, вероятно, доложили её выходку по поводу Рождества. Анжелика особо церемониться не стала, а просто ответила, что этот праздник надо отмечать с друзьями, а коли у неё таковых нет, то и отмечать она его не будет. В тот же день, после разговора с Трегиром, в её апартаментах установили ёлку и принесли игрушки.

Скорее от нечего делать, чем от приставаний Мэри они нарядили дерево. Анжелика всю ночь провисела на телефоне, бесконечно звоня в Россию, Узбекистан, Швецию, Польшу, поздравляя всех своих друзей с праздником. Не воспользоваться тем, что её не ограничили в пользовании телефоном, было нельзя.

Следующий за Новым годом день рождения прошёл так же незаметно: королевская семья и больше никого. От бала в свою честь она тоже отказалась, мотивируя нежеланием пятиться на жирные морды придворных льстецов.

Следующие Новый год и день рождения она провела в монастыре.

И вот третий по счёту Новый год в Анастасе. А через пятнадцать дней – её день рождения. А потом... О том, что будет потом, Анжелика не хотела думать.

Постояв около окна, она вернулась к столу. Шла сессия. Учиться было не так просто, как в школе. Но тем интереснее. Анжелика начала работать над дипломной темой.

Случилось это помимо её воли. Преподаватель по макроэкономике ей предложил сразу набирать материал для дипломной работы после ознакомления с курсовиком. Она не задумываясь ухватилась за эту идею. И теперь всё свободное время посвящала новому и интересному занятию.

–Привет, – в кабинет зашёл Трегир. – Мне сказали, что у тебя очередной бунт.

Вместе с ним ворвался запах морозной свежести.

Анжелика, не вставая, повернулась к нему на крутящемся кресле: «Наговаривают, веришь? Истинно наговаривают. Сiju работаю, никого не трогаю. А ты чего нарисовался? До свадьбы ещё далеко, а в гости тебя не приглашала».

– А я без приглашения решил провести. Не заболела ли? А то столько времени меня на королевский совет не вызывали, что я забеспокоился.

– Зря, это ты зря. Я жива, здорова и бунт не затеваю. Посмотрел? – она встала, растопырила руки, покрутилась перед ним и собралась садиться обратно, как он перехватил её за руку: – А теперь можешь проваливать.

– Вот это мне и сказали: от участия в балах отказываешься, платья примерять не хочешь. Над чем хоть работаешь? – он хотел было поднести её руку к губам, но она напрягла мышцы, давая ему понять, что не согласна с его порывом.

– Да тебе неинтересно. – усмехнулась. Трегир отпустил руку. Девушка отошла к окну, опёрлась на подоконник. – Это ещё курсовик с прошлого года. Идея у меня появилась. Хочу попробовать. Применение математических моделей для социального развития неблагополучных районов. Правда, я пока не совсем понимаю, как и с чего начать.

– Ну, я бы начал с социально неблагополучных районов. Займись изучением их жизни. Найди себе агентов, которые будут тебе рассказывать о происходящем, и давать оценку. Только имей в виду, тебе нельзя показывать, нравится или нет. Агенты быстро схватывают, какая информация больше интересует заказчика, ту и несут. А тебе нужна объективность. Данные надо будет изучать, анализировать, систематизировать и искать закономерности. И заметь, ты должна быть готова столкнуться с тем, что будет идти в разрез с твоими внутренними убеждениями.

– Но... – Анжелика задумалась. – Каждый человек индивидуален. Люди ведут себя независимо от других.

Трегир засмеялся. Уж кому-кому, а ему, начальнику службы безопасности, было неплохо известно, что в обществе все подчиняется своим законам. И самые строгие и жёсткие законы не у государства, а как раз в социально неблагополучных районах, ибо там на кону всегда стоит чья-то жизнь. Виновны выплачивает не разовый штраф, а годами пытается выкупить жизнь себе и своим родным. И что каждый анклав живет в соответствии с теми понятиями, которые он вывез из своей земли, на которых воспитывался. И что хорошо для цыган, то плохо для анастасийцев. Это надо было принимать и где-то мириться, а где-то искоренять. Он точно знал, что отдельно взятого человека можно перевоспитать в каких угодно традициях, но когда это общество, то процесс занимает года, а порой и столетия. И вроде уже всё хорошо, как вдруг в ком-то заговорит голос предков. И не просто заговорит, а звучать будет сильнее и истины проступят через иную призму, чем это было несколько веков назад.

– Хорошо, после свадьбы я попытаюсь дать тебе надёжных людей, чтобы ты могла получить нужную информацию.

– Нужную тебе? – Анжелика усмехнулась. – Нет, спасибо, я сама.

– Нет, пожалуйста. Социально неблагополучные районы это не курортное место. У них свой король. И ты для них никто. Кроме того, у меня есть связи в других странах, например Франции или Англии. И тебе оттуда тоже могут давать информацию. Можешь сделать сравнительный анализ. Может, тебе удастся вывести формулу, как снизить криминогенность таких районов.

– Так это очень просто: надо дать им работу, помочь с пособиями, и они перестанут красть и убивать.

Трегир прошёл по комнате, потом сел в кресло напротив Анжелики.

– Теория пособий оказалась провальной, как ни странно. Получив деньги без приложения к этому усилий, она не стремится к образованию. Окончив кое-как школу, идут работать на низкоквалифицированный труд, при первой возможности садятся на социал. Это мужчины. У женщин ещё хуже. После школы их выдают замуж и начинают рожать одного ребёнка за другим.

– Стоп, назови мне десять отличий от законов Анастаса. Меня выдают замуж. Моего желания никто не спрашивает.

– Десять отличий? Пожалуйста: ты обязана получить образование. Это первое. В семье может быть столько детей, сколько она может прокормить. В противном случае очень большие штрафы до принудительной стерилизации. Правда, она возможна, если в семье есть не менее трёх детей. С наступления полного совершеннолетия, то есть с двадцати одного года, у женщины равные права с мужчиной, если, конечно, она не натворит бед и не попадет в монастырь. Правда, терпеть тебе меня придется побольше, чем год. Но, думаю, что с моим графиком работы я тебе надоесть не успею – он лукаво посмотрел на неё, но Анжелика не заметила его взгляда.

– Ещё? Какие ещё отличия? Я жду. Если мы дадим им работу...

– Согласен, наличие работы меняет многое, но не всё. Менталитет. Очень часто в социально-неблагополучных районах силен местный или родовой менталитет. Детям в головы вкладывают иные знания. В школах им рассказывают одно, но как только они приходят домой, им всё переизлагают с точки зрения теории верных и варваров.

– О варварах? Кто это, варвары? – Анжелика нахмурилась.

– Варвары, дикари, неверные... Варварами всегда называли тех, кто живёт по своим, отличным от тебя правилам, кто молится своим богам и не хочет следовать за диктующим свою волю.

– То есть я для вас варвар. Вы же не хотите признать моё право на личную жизнь. – Анжелика скрестила руки на груди.

– Да кто же отнимает у тебя право на личную жизнь? – усмехнулся Трегир. – От тебя требуется лишь одно: принять правила страны, в которой ты живёшь сейчас.

– Нет, ты не так выразился, страны, где меня удерживают. Во-первых, ты привёз меня сюда помимо моей воли. Во-вторых, меня выдают замуж за человека, которого я ненавижу. – она посмотрела на Трегира, но он не отреагировал на это высказывание. – Вот как, у тебя даже нет гордости, чтобы отказаться, когда оскорбляют.

– Есть, Анжелика, есть гордость. – он горько вздохнул. – Я могу красиво сказать «Нет». Но есть одно но. – Трегир встал, подошёл к окну, скрестил руки за спиной. Он смотрел на метель за стеклом. Помолчав некоторое время, Трегир продолжил: – Но есть одна девушка. Милая и добрая, но ужасно упёртая. Ей говоришь: «Белое», а она твердит: «Чёрное». Я бы с радостью подождал, пока мозги у девушки встанут на место, но увы, от меня сейчас зависит только одно: или она остаётся со мной и я попытаюсь смягчить все острые углы её бытия, или же я отдаю её на растерзание королевского совета.

– Ой, вот только не надо играть в благородство. Я не верю, что нельзя было решить по-другому. Понимаешь, не верю? Что измениться, если я выйду замуж не сейчас, а через пять, десять лет или никогда?

– Увы, многое. Одно из условий открытия наследства: твоё замужество в строго обговоренный срок. Тебе принадлежат поместья и заводы. Знаешь, что это значит?

– Что я ужасно богатая и тебе хочется прибрать к рукам мои денежки. – ответила она просто.

– Ты же изучаешь экономику, а таких простых вещей не знаешь, – Трегир вернулся на место. – В первую очередь, это люди. Они должны быть накормлены, их труд оплачен, у них должно быть жильё, их жизнь должна быть защищена. Ты, как владелица, несёшь за них ответственность. Сейчас этим имуществом управляет агент, но это не ЕГО имущество, поэтому он выполняет необходимый минимум. Вот мы с тобой говорили про социально-неблагополучные районы. У тебя такой район один. Но если ты не вступишь во владения, их будет больше.

– Но ты-то богат, и я богата. Мы же можем им отдать свои деньги, – попыталась она.

– Можем. По-моему, в Англии это было. Несколько богачей поспорили, можно ли сделать человека богатым, если ему просто так дать большую сумму денег. Результат оказался печальным: только один из десяти разбогател, вложил деньги в учёбу, потом в становление

себя как профессионала. А остальные тупо проели и как были бедными, так ими и остались. Чем больше кормить бедняков, тем больше их становится. Человек, как птица: всегда летит на хлебное место. Я, как начальник службы безопасности, обязан заниматься статистикой и прогнозированием роста криминогенности. Так вот: те, кто работает, имеют по два–три ребёнка. А кто сидит на пособии – по пять–шесть. Вот и найди волшебную формулу, как этих людей заставить работать хотя бы во благо собственной семьи.

Анжелика замолчала. Она всё ещё пребывала в мире тех иллюзий, где богатые угнетают бедных. А эти бедные горбятся за копейки. Правда, она спрашивала себя: «Если нет денег, то зачем рожать пятеро детей? Хватит и двоих».

– Ладно, зачем пришёл? – она внутренне напряглась. – Не обсуждать же проблему бедняков.

– Как тебе сказать. Хочу напомнить, что скоро наша свадьба. А с платьем заминка. Сейчас я провожу тебя к портнихе. И, если ты не хочешь, чтобы я присутствовал, веди себя хорошо. Анжелика?

– Что? – буркнула она. – Слушай, ты как траурный вестник. Сидела, работала, а тут бац и Трегир пришёл. Ладно бы сказал: «Дорогая, свадьбы не будет, катись в свою Россию!», а то ведь: «Пошли платье мерить». Не хочу.

– Я что-то не заметил, чтобы спросил твоё желание. – он усмехнулся

Итак, до свадьбы оставалось всего две недели. Две самые страшные последние недели. Время шло, а чудо не происходило.

Если в сентябре она ещё более-менее нормально относилась к Трегиру, то сейчас ненавидела его всеми фибрами своей души. Она даже представить не могла, что скоро, очень скоро этот человек станет её мужем. Если честно, она вообще не представляла себя в роли жены. Ну там, в России, было понятно: жена готовит, убирает, стирает. А тут, во дворце, что должна делать жена? Чем её настоящее положение будет отличаться от того будущего? О том, что Трегир на законных основаниях сможет заниматься с ней сексом, она старалась не думать. Она боялась секса: для неё это было что-то грязное и низменное.

В эти дни охрана её усилилась. Принцесса чувствовала себя как в клетке: на окнах красивая ажурная решётка, двери блокировали специальными ключами. Куда бы она не шла, её сопровождали. Даже в университете к ней были приставлены специальные люди.

Анж стояла у окна и смотрела, как возмущался ветер. Ей казалось, что погода обнародовала то, что творится в её душе. Задумавшись, глядела на снег и не слышала, как открылась дверь. Вдруг кто-то провёл пальцем по её щеке. Анжелика вздрогнула и размахнулась, скорее следуя инстинкту самосохранения, чем обдуманному действию. Но её руку перехватили:

– Привет, дорогая. Ты чего руками размахалась? – раздался голос Трегира, и, не отпуская руки, он стал разворачивать Анжелику. В зале уже находились королева, великие герцоги, Лаур, Генри и Джой.

– Это что за сборище незваных гостей? Я вас не приглашала и прошу покинуть мои покои, – Анжелика обвела присутствующих далеко не самым тёплым взглядом.

Трегир положил руку на её плечо, как бы подталкивая вперёд:

– Ты, по-видимому, забыла, что мы – я, твой брат, её Величество королева и мои родители – имеем право заходить к тебе без предупреждения. После свадьбы это право будет только у меня.

Она посмотрела на слуг, которые сутились около стола, расставляя приборы.

– Перестаньте вести себя как хозяева. Убирайтесь все вон! – Анжелика указала рукой на дверь. – Мэри, скажи слугам, пусть уберут всё, что накрыли, я никого чаем поить не собираюсь. Гости уже уходят.

Великая герцогиня, высокая, красивая, благородная женщина, молча постукивая веером по ладони руки, подошла к Анжелике.

– Нам нужно поговорить о предстоящей свадьбе, Ваше Высочество. Свадьбе между вами и моим сыном.

– Свадьбы не будет! Или я неясно выразилась? – Анжелика насмешливо глянула на герцогиню.

– Девочка моя, смирись. Будет свадьба, и тебе лучше принять это как есть, – раздался измученный голос королевы.

Как она понимала принцессу. Сердце королевы разрывалось от невозможности помочь своей дочери. И её когда-то выдали замуж против воли. Такова судьба тех, кто родился в короне. Но одно успокаивало душу матери. Она знала Трегира: принцессе повезло больше, чем ей самой. Трегир не был жестоким и не выходил за рамки своих полномочий.

– А вы, собственно говоря, кто такая, чтобы меня учить? – Анжелика ответила выпадом.

Герцогиня сделала шаг вперёд. Губы её сложились в тонкую ниточку, глаза сузились. Трегир сделал Лауру едва заметный знак. Лаур понял, встал позади Анжелики. Анжелика ничего не замечала, кроме движения веера. Вот веер приподнялся с ладони, он поднимается выше, скоро достигнет её лица. Как будто замедленный фильм. Она дёрнула рукой, чтобы перехватить, сломать этот веер, но руке что-то помешало. Это Лаур успел заблокировать руку девушки. Герцогиня приподняла веером подбородок Анжелики:

– Девочка, ты могла бы из уважения промолчать. Если не уважаешь Елену как свою мать, так хотя бы уважай как королеву.

Да, Трегир слишком хорошо знал этих женщин, стоящих друг перед другом. Герцогиня, властная и гордая, она командовала в доме. Сам великий герцог, государственный муж, являющийся первым министром королевства, дома слушался её и не возражал. Герцогиня никогда не поднимала руку для удара. Она великолепно владела голосом, жестами, мимикой, чтобы заставить себе подчиняться. Но он знал и ту, вторую: уже не подросток, но ещё не ставшая взрослой, она всякий раз ждёт удара. Почему, откуда это ожидание? Он не знал. В приёмной семье родители были мягкими и добрыми. Он никогда её не бил. Генри наказывал, было один раз, но она тогда знала, что её накажут. Её предупреждали. А вот так спонтанно...

Анжелика смотрела на окружающих. К горлу подступал страх, паника. Звуки раздавались как сквозь вату, очертания людей и предметов нечёткие. Желваки на скулах заиграли.

«Лаур, не отпускай. Генри, срочно вызови врача, пусть захватит нашатырь и на всякий случай успокоительное!» – Трегир давал указания. Сам приблизился к Анжелике. Жестом дал понять, чтобы другие не вмешивались. Он видел, что это паника и знал, что в панике она ничего не соображает.

Анж дёрнулась, Лаур удержал. Трегир подошёл близко, протянул руки, обхватил лицо, приподнял: «Ты меня слышишь? Всё хорошо. Тебя никто не обидит», – он говорил на русском, пытаясь достучаться до сознания. Он видел, что Лаур едва удерживал. Во время паники её сила увеличивалась в разы. В панике она всё крушила, не разбирая перед собой ничего.

– Всё хорошо, – в комнату вошёл доктор Смит. Он сразу понял, что случилось. Он помнил, как они её успокаивали во время паники. – Я держу, давайте, – проговорил Трегир.

Доктор быстро поднёс к её лицу, удерживаемому Трегиром, нашатырь.

Ей показалось, что её ударили по затылку, изнутри. Голова резко подалась назад, но Трегир удержал. Силы стали покидать, и она начала оседать.

– Ну вот и всё, обошлись без укола, – проговорил Трегир и усадил её на диван. Сам сел с одной стороны, а Лаур – с другой.

В себя Анжелика пришла быстро. Она сделала резкую попытку встать.

– Сидеть! – жёстко произнёс Трегир.

– Я не собака, чтобы мне командовать, – усмехнулась она.

– Пришла в себя и сразу кусаться. У нас к тебе серьёзный разговор, – Трегир откинулся на спинку дивана, держа в своей руке руку Анжелики.

– Анжелика, – наконец она услышала голос брата, который всё это время молча наблюдал за перебранкой сестры и герцога. – По анастасийским обычаям, ты будешь венчаться в церкви Святой Екатерины – главном храме королевства.

– Но я не могу венчаться. Я не крещёная и креститься не собираюсь, – нахмурилась Анжелика.

– Можешь не волноваться, тебя крестили при рождении. В общем, перед венчанием в церковь невесту должен завести отец или опекун. Твой родной отец сейчас в монастыре, он не может это сделать, твой официальный отец, который тебе дал свою фамилию, король, умер. У тебя есть крёстный отец граф Шерис Гей Кельвинг.

– Папаша мой, так что ты мне вроде как сестра, – засмеялся Джой.

– Джой, – остановил адъютанта Генри. – Но крёстные отцы обычно бывают свидетелями на свадьбе. Твой опекун является твоим женихом, поэтому он тоже не может тебя завести в зал. Остаются два человека: это я как твой старший брат и твой приёмный отец Сергей Геббер, который вместе с семьёй прибудет в Анастас накануне свадьбы.

– Значит, они приезжают! – Анжелика от радости захлопала в ладоши как маленькая.

– А поцеловать за это? – обиженным тоном произнёс Трегир. Анжелика чмокнула его в щёку. За последнее время это была самая лучшая новость.

– Анжелика, успокойся. Я понимаю, что рядом ты хочешь видеть своего приёмного отца. Мне будет спокойнее, если в зал тебя поведу я. Но мы решили всё-таки сначала поговорить с тобой, чтобы принять какое-либо решение.

И королева, и великие герцоги, до сих пор не привыкшие к быстрым переменам в настроении Анжелики, так и не пришли в себя от только что произошедшей сцены. Однако тот факт, что доктор никуда не ушёл, значил, что всё ещё может быть.

– Хорошо, а что требуется от меня, чтобы в церковь меня повёл мой отец?

– Моё разрешение, – это была королева.

– Лично мы против, чтобы вас сопровождал ваш приёмный отец, – слово взял великий герцог старший. – Я посмотрел на то, что у вас тут творится. Мой сын так и не призвал вас к порядку, и я просто боюсь, что вы сорвёте церковную церемонию.

– От тебя, моя дорогая, что касается моих требований, – на сей раз заговорил Трегир, проигнорировав сказанное отцом и королевой, – нужно только одно: обещать мне хорошо себя вести. Ты понимаешь, что даже при разрешении со стороны твоей матери я могу быть против твоего приёмного отца. И тогда либо тебя поведёт твой брат, либо свадьба по поручению.

– Поясни? – Анжелика уже была согласна на всё, лишь бы увидеть своих приёмных родителей.

– В Анастасе существует процедура заключения брака по поручению. Вместо невесты на церемонии присутствует или юрист, или нотариус, который подтверждает действительность заключения брачного союза.

– А теперь поцелуй жениха с юристом, – заржала Анжелика. – Я бы многое отдала, чтобы посмотреть на этот кадр, но придётся воздержаться.

Трегир довольно хмыкнул:

– Мне нужно твоё обещание, что оставшиеся две недели ты будешь вести себя отлично и не нарушать брачную процедуру в церкви. Я знаю, что на твоё слово можно положиться. Разумеется, мы не знаем, согласится ли твой отец выполнить этот обряд, ведь он мусульманин, а не католик. Итак, твоё слово.

– Хорошо, если я пообещаю быть хорошей в церкви, мой отец поведёт меня к алтарю, а я там на все вопросы буду отвечать нет, что будет тогда? Вы ведь не сможете уже что-либо изменить.

–Милая моя, во-первых, даже если ты десять тысяч раз скажешь нет, нас всё равно обвенчают. Второе, рядом будет стоять наш любимый доктор, и как только ты скажешь нет, мы тут же симитируем обморок. У тебя есть почти тридцать минут на обдумывание.

Даром терять время на обдумывание Анжелика не стала. Если уж и выбирать из двух зол, то надо выбирать меньшую. Замуж ей не хотелось, но она понимала, что изменить ситуацию она не в силах. А значит, надо было приятное совмещать с полезным. Она согласилась быть мягкой и пушистой в обмен на свободу и на то, что именно отец поведёт её к алтарю.

Дальше шло обсуждение платьев на свадебную неделю, мероприятий, а также количества предполагаемых гостей. Чай выпит, пирожные съедены. Двери за непрошенными гостями закрылись, остался лишь Трегир.

– Ты ещё что-то забыл? – радость от предстоящей встречи сменилась апатией. Анжелика мечтала остаться одной.

– Скажи, что случилось? Что тебя так напугало?

Они сидели на диване. Рука Трегира лежала на её плече, сам он слегка склонился над ней. Анжелика затаила дыхание. От Трегира веяло жаром. Сердце девушки безумно колотилось. По телу пробежали мурашки, а внизу живота всё сжалось от чего-то неизвестного.

–Анжелика, если ты мне не скажешь, я не смогу тебе помочь. Я не умею читать твои мысли, – он пальцами приподнял её голову. – Я жду. Откуда взялась паника?

Она смотрела, как двигаются его губы. Невольно дернулась, не понимая, почему между ног вдруг стало влажно:

–Трегир, отпусти, мне жарко... Трегир... Ну как тебе сказать? Понимаешь, получается, даже когда я сплю, кто угодно может войти ко мне и придушить. У меня здесь нет... нет своего угла, где бы я могла укрыться от всех, побыть в одиночестве. Я не чувствую себя в безопасности.

–Нет, девочка, никто не имеет права войти к тебе, пока ты спишь. С одиннадцати вечера до семи утра могу прийти только я. У меня одного неограниченный доступ. Скажи, за все эти годы я хоть раз воспользовался твоим сном? Читай поменьше детективов, моя родная.

Он склонился к её губам, но она, преодолевая себя, оттолкнула его. Трегир не стал настаивать. Улыбнулся, попрощался и ушёл. А она осталась сидеть на диване, трогая подушечками пальцев свои губы, словно проверяя, а был ли поцелуй.

34. Накануне свадьбы

– Ваше Высочество, следуйте за мной, – начальник караула вошёл в апартаменты принцессы. Увидев, что она смотрит на него вопросительно, добавил: – Вас ждёт ваш брат. Он просил вам передать, что это очень важно.

Анжелике идти к Генри не хотелось. Она пробормотала, что ей надо переодеться, вошла в спальню, закрыла дверь. Девушка знала, что всё равно встречи избежать не удастся. Завтра у неё свадьба. Что он может ей сказать? Случилось чудо, и она свободна? Все эти дни за ней ходили как за маленькой. Из-за малейшего чиха прибегал врач. На кону стояло многое, и они не могли позволить, чтобы событие не состоялось.

Анж не знала, сколько прошло времени. Она услышала, как открылась дверь. Охране, несмотря на то, что они «знакомы» друг с другом ещё с России, заходить в спальню категорически запрещалось, а значит, зашёл кто-то из своих.

– Анжелика, пойдём, – услышала она голос Лаура. Стало быть, у Генри находился Трегир. А встречаться с ним ей хотелось ещё меньше. Но делать было нечего. Анж, ничего не отвечая, лишь кивнув в знак согласия, медленно вышла из апартаментов.

С её приходом Генри и Трегир замолчали. Было видно, что они о чём-то до этого спорили. Трегир с улыбкой подошёл к Анж, взял её руку и поднёс к губам:

– Ты чего такая бледная?

– Что, не мог подождать до завтра? Или хочешь лишний раз восторжествовать? – в голосе Анжелики послышался вызов.

Трегир не стал на него отвечать. Он понимал, что ей сейчас трудно. «Девочка моя, я хочу тебе кое-что показать, а потом удалюсь. Когда тебя в церкви подведут ко мне, тебе придётся взять меня за руку. Вот так... – Трегир встал бок о бок с принцессой и левой рукой взял её правую руку. – Во время церемонии венчания будут задаваться вопросы, на которые в зависимости от смысла надо будет отвечать да или нет. Вряд ли ты будешь в состоянии воспринимать церковную речь. Поэтому, когда я буду надавливать на твой мизинец, ты будешь отвечать да, когда на средний палец – нет, поглаживать пальцем по ладони – всё хорошо. Ну как, договорились?»

Во время объяснения Трегир сопровождал свои слова действиями.

– Если я откажусь? – Анжелика попыталась высвободить руку.

– Если ты откажешься, то боюсь, что придётся имитировать обморок. Анжелика, запомни, что бы ты ни делала во время церемонии, что бы ни говорила, ты всё равно станешь моей женой. Пора бы уже смириться.

– Трегир, я же говорил, что это должен буду сделать я. Ты же сам видишь. Она не предсказуема. И, мне кажется, не надо дожидаться скандала в церкви. Давай ей введём инъекцию заранее, – Анж посмотрела на брата. Нет, это была не игра, брат говорил серьёзно. Он не провоцировал её.

– Генри, – Трегир освободил руку принцессы, подошёл к столу, взял свой стакан, – всё будет хорошо. Правда, Анжелика? Ты ведь не хочешь рисковать встречами с родными, которые приехали в Анастас на месяц? От твоего поведения на венчании зависит, ты с ними будешь только мимолётом видаться или же сможешь проводить дни. Ну что, сделка того стоит?

Анжелика молча подошла к окну. Она понимала, что надо соглашаться. Она ничего не добьётся своими концертами. Но как, как заставить себя смириться?

– У вас говорят: «Молчание – знак согласия». Вот и будем считать, что согласие получено. Генри, доктор будет всегда поблизости, так что исправить ситуацию можно будет в любой момент.

–Я могу быть свободна? – повернувшись лицом в комнату, спросила Анжелика уставшим голосом.

–Нет, у тебя сейчас репетиция торжественного выхода, а потом я попрошу, чтобы доктор Смит тебя осмотрел, мне не нравится твоя бледность. Ладно, я пойду, – Трегир направился к выходу.

–Подожди, – Анж потёрла лоб, как будто болела голова. – Какая ещё репетиция?

–С твоим отцом Сергеем Ерболовичем.

–Он знает, что меня выдают замуж помимо воли? – Трегир вместо ответа положительно кивнул.

Он торопился уйти. Он не мог вынести этого скорбного взгляда. Разве такой она была там, в России? И завтра ей предстоит стать его женой. Женой поневоле. И он ничего не может изменить. Быть дочерью королевы – тяжкое бремя.

Его сердце сдавило словно тисками. Наверно, королевский совет был тысячу раз прав, когда требовали её возвращения в Анастас сразу, как он её нашёл. Кто знает, привези он её в возрасте двенадцати лет, и она бы успела адаптироваться. Тогда же он верил в постепенное привыкание: она в приёмной семье, а он всегда рядом. Но получилось с точностью до наоборот: чем ближе было событие, тем сильнее было противостояние.

Эта свадьба. Он столько раз порывался отказаться, но понимал, что королевский совет всё равно её выдаст замуж. «Я сделаю всё, чтобы ей было хорошо рядом со мной. Я же вижу, что у неё мозг с сердцем спорят. Так неужели я не смогу пробить блокаду разума?» – в который раз он говорил себе, прекрасно понимая, что ему будет сложнее, чем ей. Он знал все законы системы и знал, через что ему предстоит пройти. Она же стойчески отказывалась хотя бы просмотреть придворный кодекс.

Анжелика вошла в зал. Генри дал ей пять минут на разговор с отцом. «К сожалению, у нас мало времени. Я скоро должен буду уйти. После свадьбы наговоришься», – брат был жёстче Трегира. И Анжелика даже не подозревала, насколько ему это тяжело давалось. Но она, словно ребёнок в переходном возрасте, требовала жёсткие рамки.

–Папа, милый папа! – Анжелика, как маленькая девочка, бросилась на шею к приёмному отцу.

Генри ждал потока слёз. Но их не было. Ему вспомнились слова Трегира: «Она, как сухая ветка, сторит, если не будет плакать...» А она не плакала. Ни Трегир, ни Генри ни разу не видели её слёз. Никто, кроме подушки. Она закрывалась в спальне и рыдала, как рыдают девочки. Вот и сейчас она обнимала отца за шею, но слёз не было. Слёзы – эта драгоценность, которую она не могла себе позволить показать.

–Папа, ты знаешь, что меня выдают насильно замуж?

–Знаю, доченька, знаю, милая, – Сергей Ерболович прижимал к груди голову своей старшей дочери. Его глаза щипало. Он как мог сдерживался, чтобы не заплакать. – Что поделаешь, такова судьба женщины. Мне господин Трегир рассказал как и почему. У тебя будет хороший муж. Он тебя очень сильно любит... Смотри, бабушка Зубейда мужа своего впервые на свадьбе увидела. А мамина сестра Малика, хоть и была знакома с Каримом, так ведь и её не спросили, а просто объявили, что замуж выдают. Это мама твоя по любви выходила. На Востоке до сих пор родители часто за молодых решают. И бабушка, и Малика счастливы в браке. И у тебя будет всё хорошо!

Анжелика отстранилась от отца. Она посмотрела каким-то недоверчивым холодным взглядом. Это говорит её отец, отец, от которого она ждала утешения? Нет, пусть не утешения, а слов, порицающих этот брак, слов, согласных с её сердцем. А вместо этого отец призывал смириться...

Анжелике в силу её возраста и жизненного опыта не дано было понять, что отец желал ей добра. Понимая, что нельзя ничего изменить, он пытался её призвать принять реальность

такой, какая она есть. Трегир попросил помочь убедить Анжелику. Сергей Ерболович после ухода Трегира ещё долго шагал по апартаментам, возмущаясь, но Махабат Тимировна всё-таки уговорила его успокоиться и посмотреть на это как на свершившийся факт. В одном они были согласны, что Трегир любит Анжелику, и обоим хотелось верить, что он сделает всё для счастья их девочки.

Анжелика выпрямилась, гордо подняла голову:

– Ладно, давайте репетировать, – холодный тон резанул как нож по сердцу отца.

В зал вошёл какой-то мужчина. Он поставил отца по правую сторону от Анжелики. Показал, как следует приподнимать платье, с какой скоростью они должны будут пройти через зал к алтарю, как отец должен будет передать свою дочь в руки Трегиру – поддерживая за талию, вкладывая руку девушки в руку жениха.

Девушка не спорила. Делала, что ей говорили, глядя перед собой безучастным взглядом.

Репетиция окончена. Анжелика вошла в свои апартаменты. Она отпустила Мэри, чтобы никто не мог помешать ей поплакать. Но остаться одной Анж не удалось.

– Ваше Высочество, разрешите? – доктор Смит со своим дежурным чемоданчиком зашёл к принцессе. – Господин Трегир попросил вас осмотреть.

– Со мной всё в порядке. Можете быть свободны, – Анжелика повернулась к врачу спиной, намереваясь уйти из зала в спальню.

– Ваше Высочество, пока я не выполню распоряжение господина Трегира, отсюда не уйду. Мне разрешено пользоваться помощью охраны, – доктор Смит сел на диван. – Анжелика, присядь рядом, – приказал он властным тоном. Анжелика, тяжело вздохнув, повиновалась. Доктор измерил температуру, послушал дыхание, заглянул в рот, нос, что-то искал в зрачках глаз. – Я думаю, что это просто нервное напряжение. Ничего страшного. Сейчас вам следует принять ванну, потом – расслабляющий массаж, выпить успокаивающий чай, ну а затем можете закутаться в плед и посмотреть какой-нибудь лёгкий фильм или почитать книгу и пораньше лечь спать.

– Успокаивающий, чтобы завтра быть послушной? Так вы не беспокойтесь, я и так буду послушной. Разве у меня есть выбор?

Доктор через селектор дал распоряжение, чтобы приготовили ванну и пригласили массажиста, после чего обратился к Анжелике:

– Успокаивающий, чтобы утром вы проснулись не с головной болью, а встали бодрой, полной сил. Если вы мне не подчинитесь, я буду вынужден поставить вам успокаивающий укол.

– А вы будете присутствовать завтра на брачной церемонии? Или вас оставят за бортом? – Анжелика склонила голову и ехидно улыбнулась.

– Если вас интересует, будет ли вам имитироваться обморок, то я хочу сказать, что это возможно в случае вашего неповиновения. Я буду стоять почти за вами. Вы, наверно, знаете, что по одну сторону от алтаря будут находиться члены королевской семьи, в том числе и ваша узбекская семья. А по вторую сторону, сразу за вами и господином Трегиром: адъютанты обоих господ, свидетели, ваш брат и я... У меня заранее будет приготовлен шприц с инъекцией. Но будем надеяться, что до этого дело не дойдёт. А сейчас идите в ванную. Я подожду. Я должен проследить, чтобы вы выпили чай.

Анжелика нежилась в ароматной пене. Около неё сустились девушки. Она запретила им говорить о предстоящем торжестве. После ванны её промокнули огромным розовым махровым полотенцем, положили на массажный стол. Массажистка, та самая, которая делала ей массаж в самый первый раз, тёплыми мягкими руками разминала нежное тело девушки. Потом её натёрли какими-то кремами. Наконец, завернув в махровых халат, выпроводили из ванной. Доктор Смит по-прежнему сидел на диване. На столе стояла «кукла».

–Ну как, легче стало? Выпей чаю и завтра будешь как младенец, – доктор улыбнулся, снял «куклу», налил в огромный бокал дымящийся чай из фарфорового чайника. Потом налил чай в кружку поменьше, которую поставил перед собой.

Анжелика действительно чувствовала себя лучше. Волнение и тревога куда-то уходили, оставляя место спокойствию. Доктор уже ушёл. Анжелика сидела под огромным пушистым пледом, с книжкой в руке. Она так и заснула. Генри, возвращавшийся с мальчишника, в два часа ночи зашёл проведать сестру. Он осторожно взял её на руки, перенёс в спальню, накрыл тем же пледом, под которым она уснула.

Анжелике снилось, что она маленькая девочка и мама, её мама с чёрными, как смоль, глазами в длинном узбекском платье, переносит её на диван. Анжелика во сне улыбнулась и перевернулась на другой бок. Генри тихонько вышел из спальни сестры. Наступал трудный день в их жизни.

35. Свадьба

Анжелика с удивлением посмотрела на карету, стоящую около дворцового крыльца. Да-да, это была самая настоящая карета из прошлого, обитая чёрно-серебристым бархатом, с вышитым золотом коронованным орлом. Брат, поддерживающий сестру под руку, улыбнулся, подвёл её к этому чуду, помог подняться, следом поднялся сам.

Утром шёл мягкий снег цвета её свадебного платья. Анжелика опустила глаза, рассматривая нежную шёлковую ткань, которая, казалось, светилась изнутри. У неё было всё, как у всех девочек: свадебное платье, невесомая вуаль, ниспадающая на лицо, чтобы скрыться от фоторепортёров. Только, в отличие от многих сотен других невест, у неё на голове была бриллиантовая диадема, а на плечах – накидка из серебристой норки. Наконец она гордо вскинула голову и посмотрела на брата, сидевшего напротив. На Генри был белый атласный костюм. Карета остановилась. Генри молча подал руку сестре, чтобы помочь выйти. Они ступила на лестницу церкви Святой Екатерины – самого главного храма Анастаса.

– Давай смелее! – Генри сделал шаг вверх.

– Ты мне обещал, что меня сопровождать будет отец, а не ты... – Анжелика не выдернула свою руку из руки Генри, но и подниматься не стала.

– Так, без концертов. Как мне кажется, мы, в отличие от тебя, своё слово держим.

Пушистый снег медленно опускался на светлые волосы брата, отчего он казался каким-то неземным. Принц был неотразимо красив.

Анжелика сделала шаг, встала вровень: «Что ж, пойдём на эшафот...»

Сергей Ерболович наблюдал за происходящим из дверей церкви. Мусульманин по происхождению, он не был особенным любителем посещать ни мечети, ни православные храмы. Мельком увиденный им интерьер собора потряс его воображение: высоченный купол, расписанный золотыми звёздами на голубом фоне. В нишах висели картины из жизни Христа. Свет, как в калейдоскопе, играл витражами. Он ожидал увидеть сумрачный католический храм, но этот был большим и светлым.

Зал полон. Люди занимали свои места, и лишь центральный проход, на полу которого лежала красная дорожка, был пуст. По обе стороны прохода, однако, стояли дети в светлых одеждах и держали в руках белые лилии и оранжевые альстромерии. Это было красиво. В полуоборот перед алтарём стоял Трегир в костюме цвета тёмного шоколада.

Сергей Ерболович наблюдал, как поднимается по ступенькам храма его старшая дочь. На ней длинное, в пол белое платье, ниспадающее мягкими складками. Он не видит её лица. Но судя по её походке она пытается переступить через себя.

– Ваш выход, – Генри передал Анжелику Сергею Ерболовичу, а сам встал позади их.

Принц боится. Он знает непредсказуемость и своенравность своей сестры. Эта свадьба, которая стоила не просто больших, а бешеных денег, должна состояться и пройти без эксцессов. Иначе зачем были все эти траты на приезд многочисленных родственников, друзей и знакомых из России? Генри желал, чтобы Трегир ограничился только семьей да ближайшей подругой. Кроме оплаты дороги, гостям пришлось срочно покупать одежду, соответствующую этикету и моде дворца. Трегир не хотел, чтобы многочисленная знать свысока взирала на тех, кто был дорог Анжелике.

Зазвучала музыка. Приёмный отец, волнуясь, подал руку Анжелике. Его приёмная дочь, положив свою руку на его и гордо вскинув голову, но опустив глаза (вуаль это скрывала), медленно сделала первый шаг. Она шла, не видя ни нарядных детишек по краям аллеи, ни величественности храма.

Трегир, стоя в полуоборот, смотрел на приближающуюся невесту. Они шли очень медленно.

Сергей Ерболович понимал, что Анж в последний миг пытается оттянуть событие. Ей казалось, что этой аллее не будет конца. Но она не ускоряла шаг, наоборот, он становился всё медленнее и медленнее, как будто она засыпала на ходу. Шедший позади них Генри виновато улыбался, как будто это он был причиной столь медленного хода. Музыка звучала дольше обычного почти в два раза.

Она не поняла как случилось, что перед ней возник Трегир во всём своём великолепии. Он осторожно принял руку Анжелики из рук Сергея Ерболовича. Она почувствовала, как его пальцы мягко поглаживают её ладонь, как бы говоря: «Умница, девочка, всё хорошо...» Слезы предательски подступили к глазам. И одна слезинка успела проскочить реснички и уже торопливо скатывалась по щеке. Анжелика не слышала, что говорили. У неё теперь была главная задача – сдержаться, не расплакаться.

Неожиданно наступившая тишина почему-то испугала. Внезапно она увидела, как на неё выжидательно смотрит священник. Почувствовала, как Трегир надавил на средний палец. Но она не помнила, когда надо говорить да, а когда нет. Не зная, что делать, тихо произнесла: «Повторите, пожалуйста, вопрос. Я не понимаю церковного языка...».

Священник медленно повторил вопрос. Анж никак не могла сосредоточиться. Она не могла понять, что он неё хотят. Она подняла голову и через вуаль посмотрела на Трегира. Сейчас она боялась, что ей поставят укол, а потом запретят общаться с родителями.

– Анжелика, ты хочешь, чтобы тебе перевели вопрос? – так же тихо, но достаточно твёрдо спросил Трегир.

Священник смотрел на них, не зная, что делать. Чтобы в церкви перед алтарём вдруг начинались разговоры – такого ещё не было. Да, использовался церковный язык, но он был очень схож с обычным.

Анж утвердительно кивнула и вдруг перешла на русский: «Я забыла знаки, а вопрос действительно не поняла».

– Ваше преосвященство, я могу перевести вопрос невесте? – обратился Трегир к священнику. Тот, не зная, как ему поступить, нерешительно кивнул. – Тебя спрашивают, имеются ли причины, по которым ты не можешь вступить в брак со мной. У тебя нет таких причин, – при этих словах Трегир надавил на средний палец.

– Нет, – ответила Анжелика священнику. Она немного успокоилась. Больше ей не понадобилось переводить вопросы. Теперь она слышала и понимала как сами вопросы, так и ответы Трегира.

– А теперь, дети мои, вы должны обменяться кольцами, – мальчик в белом облачении подошёл к епископу и подал ему тарелочку, на которой лежали два кольца.

Трегир повернулся лицом к Анжелике, перехватил её левую руку таким образом, чтобы можно было ею манипулировать. Второй рукой он взял кольцо. Надавил под безымянным пальцем, давая понять, чтобы она его выпрямила. Анж заторможенно смотрела, как аккуратное кольцо с бриллиантовой россыпью надевается ей на палец. И вот холодный металл плотно обхватил фалангу.

Как сквозь пелену, она услышала слова священника о том, что принцесса Анжелика принята в жёны великим герцогом Трегирем. И что теперь она должна надеть кольцо Трегиру. Анжелика посмотрела на протянутую руку, на мягкую руку с аккуратными гладкими ногтями. Потом перевела взгляд на кольцо, которое лежало на тарелочке. Медленно двумя пальцами взяла кольцо. Зачем-то перевернула его вверх, как будто хотела рассмотреть. Кольцо, как и её, было из платины, но более широкое, вместо бриллиантов на нём была алмазная огранка.

В зале стояла тишина. Все ждали. Эта церемония и так затянулась: сначала из-за медленного шага Анжелики, потом – из-за заминки с вопросами. И вот теперь с кольцом. И в этот момент Анж поняла, что сейчас они ничего не смогут с ней сделать, ибо она может уронить кольцо. Она исподлобья посмотрела на Трегира. Он не мог видеть её взгляда, но, наверно,

его почувствовал. «Давай, девочка, смелее», – прошептал он одними губами. Она повернула кольцо боком, как будто приготовилась его надеть, немного поднесла к палец Трегира. Анжелика хотела, чтобы он сам надел его, а она бы его только поддерживала. Но Трегир не делал никаких движений навстречу. Время шло.

– Дочь моя, у вас проблемы? Вам помочь? Вы должны надеть это кольцо на палец, – прошептал священник.

По залу прокатился рокот. Анжелике показалось, что она слышит голос Генри, который недоволен. И вот медленно, миллиметр за миллиметром она приближала кольцо к пальцу Трегира. Коснулась кольцом пальца. Наконец заставила себя надеть кольцо до конца, понимая, что ничего изменить нельзя и это не более, чем формальность. Ей показалось, что зал облегченно вздохнул. Пожалуй, только сейчас она поняла, зачем нужна была процедура подчинения, которую провел Трегир при подписании брачного контракта.

– А теперь первый поцелуй мужа и жены, – провозгласил священник.

Трегир улыбнулся, откинул вуаль с лица Анжелики, приподнял её подбородок и склонился над её губами. В этот момент какая-то яркая вспышка света ослепила Анж... Трегир успел подхватить падающую супругу.

Фотограф был тут же задержан Лауром. Фотоплёнка засвечена. Все аккредитованные корреспонденты были предупреждены о запрете использования фотоаппаратов. Анжелика не желала, чтобы её лицо появилось на страницах прессы.

Какой-то неприятный запах ударил ей в нос. Она открыла глаза и первое, что увидела, – распятие. Девушка поморщилась. Она точно знала, что бога нет, иначе разве он позволил бы так поступить с ней? Голова болела. Принцесса попробовала приподняться, как к ней тут же подошёл Трегир: «Ну как ты, девочка?»

– Где я? И что случилось? – Анжелика опустилась обратно на ложе.

– В церкви. Ты потеряла сознание.

– Зачем вы так? Я ведь всё сделала, как вы говорили? – голос Анж предательски задрожал.
– Зачем вы имитировали обморок?

– Успокойся, Анжелика. Никто ничего не имитировал. Тебя напугала фотовспышка...

– Господин Трегир, давайте введём ей успокоительное, – услышала она голос доктора Смита.

– Вам бы только инъекции вводить, – пробурчал чей-то голос. – На-ка, выпейте-ка, – она увидела руку, подающую ей стакан. Трегир потянулся, чтобы посмотреть, что ей дают. – Не вам, – Анж села, увидела, что это был священник. – Думаете, она первая, кто теряет сознание на церемонии. Она у вас молодец, до конца продержалась. Некоторые падают при входе в церковь. Хорошо, что по нашим законам брак считается законным, если оба супруга перешагнули порог храма. Так и ведёшь церемонию, когда вместо невесты или опекуна, или свидетели отвечают. Выпейте, это на травках. Не бойтесь, не отравитесь. А то этим лишь бы укол вколоть, – священник посмотрел, как Анжелика мелкими глотками выпила темную жидкость с лёгким привкусом полыни. – Ну а теперь надо бы закончить церемонию: первый поцелуй и торжественный вынос из церкви жены мужем на руках. Целуйтесь, а я вас осеню.

Трегир положил руку на её затылок, склонился над губами. Она инстинктивно дёрнулась. Но его губы тут же коснулись её губ. Он слегка надавил, давая понять, чтобы она перестала сопротивляться.

Карета с новобрачными покатила по центральным магистралям города. Столица приветствовала молодых радостными криками, букетами цветов и воздушными шарами. Сегодня в стране объявлен праздничный день. Сотни людей стояли вдоль дорог и смотрели на прибывший из прошлого экипаж.

Торжественный ужин в большой королевской столовой. Она видела, что её узбекская семья сидела рядом с королевской, по другую сторону располагались «божьи свидетели» – крёстные, её свидетели: подружки из России Оксана и Римма; Кароль, которая сидела между Реджинальдом (который был вторым свидетелем со стороны Трегира, ну а первым был, конечно, его адъютант) и Генри. Тост за молодых.

Анжелика пригубила шампанское, которое ей было позволено по случаю праздника.

Её сердце гулко стучало, душа рвалась к родным. Но протокол не позволял сбежать: сбор в большом тронном зале, поздравление от неинтересных ей людей. Она с безразличием рассматривала дам, которые соревновались, кто кого перещеголяет; представителей из мусульманской провинции – в парчовых одеждах; членов семей королевских династий других стран. Анжелике казалось, что этот поток приглашённых никогда не закончится. Но вот дошла очередь до королевской семьи. Сначала дали слово узбекской семье.

Сергей Ерболович, волнуясь, от имени всех приехавших поздравил свою старшую, пусть не родную по крови, но не менее любимую, дочь с бракосочетанием и попросил Трегира заботиться о ней и оберегать её. Их подарок был необычен: два маленьких прикроватных коврика ручной работы. Они понимали, что сделать подарок королевской семье непросто, поэтому решили подарить то, что точно не найдётся в Анастасе, а именно – кусочек Узбекистана.

Речь королевы и великих герцогов не отличались особым разнообразием. Они пожелали подарить королевству наследников. Анжелике быть достойной и покорной супругой, Трегиру – оберегать семью.

Объявили свадебный вальс. Анжелика вспомнила, как первый раз она вот так же кружилась с Трегиром в этом же самом зале. Тогда кроме них ещё были пары. Сейчас же они танцевали вдвоём. Трегир в танце, как и в жизни, был властным и ведущим. Анжелике же отводилась роль ведомой, что ей совсем не нравилось и против чего она пыталась восстать.

Наконец, ей удалось встретиться с родными. Трегир выделил целых полчаса на это уединение. Он сказал, что с завтрашнего дня Анжелика сможет общаться дольше. А сегодня ей даны только эти полчаса. Полчаса на самых близких и родных. Правда, он добавил, что на общение с мамой ей дадут ещё десять минут.

Десять минут с мамой...

Ещё в день приезда Трегир завёл этот разговор с Махабат Тимировной. Ему очень трудно было разговаривать с этой женщиной, которая для него всегда была не более, чем приёмная мать его опекаемой, с которой он всегда держал дистанцию, – о женских проблемах. Но он понимал, что Анж доверяла только ей и никому больше, а значит, именно эта женщина и должна была подготовить дочь к первой брачной ночи.

– Девочка, милая... – Махабат Тимировна не знала, с чего начать. – Когда мужчина и женщина вступают в брак...

Анжелика нахмурилась: «Не надо об этом. Я не хочу про это слушать. Лучше расскажи о вас, как вы там...»

– О нас? – Махабат Тимировна запнулась. «А может, рассказать про нас с отцом...» – это было сделать ещё труднее, но она понимала, что Трегир был прав. – Когда я вышла замуж, я была наивной девочкой. В первую ночь Сергей взял мои руки в свои, сказал: «Доверься мне», и...

– Мама, не надо, прошу. Мне и так трудно.

– Я тебя понимаю, моя милая. Послушай мой материнский совет: доверься своему мужу. А он сам знает, что надо делать. Он любит тебя.

– Мама! – Анжелика резко встала. Опять наворачивались слёзы. – Не надо. Я никогда не лягу с ним в постель. Он никогда не получит меня.

– Девочка... – Махабат Тимировна протянула к ней руки, потом обняла, прижала её голову к себе. Ей так хотелось поцеловать эту родную до боли макушку, но бриллиантовая диадема мешала это сделать. – Девочка, смирись. Ты же сама знаешь, то, что ты сейчас говоришь, всё пустое. Ты ляжешь с ним в постель, и произойдёт это сегодня ночью... – Анжелика вырвалась, отошла в сторону. – Послушай, это судьба женщины – принадлежать мужчине, – Анжелика закрыла уши руками. – Хорошо, я не буду продолжать. Но пообещай, если тебе понадобится мой совет – ты не постесняешься спросить.

Десять минут промелькнули как мгновение. Надо было выходить в зал. Но как хотелось остаться ещё чуть-чуть в объятиях любимой мамы.

Анжелика пыталась веселиться как могла. Она боялась смотреть на часы, как Золушка боялась, что её карета превратится в тыкву.

Часы пробили десять. Зазвучала медленная мелодия, послышался девичий распев, погасли яркие люстры, уступая место приглушённым огонькам. Дверь тронного зала распахнулась. Люди выстроились в живой коридор. Трегир взял в свою левую руку левую руку Анжелики, а правую положил ей на талию со спины и медленно повёл по коридору. Перед ними шли девушки, которые кидали лепестки разных цветов под ноги молодым. Неожиданно перед ними возникла девушка в белом балахоне. Она была похожа на сказочного эльфа. В руках держала подушечку из красного бархата, на котором лежала белая роза. Эльф присела в реверансе перед Анжеликой, склонила голову, её золотистые локоны отбросили мягкие тени на лицо: «Ваше Высочество, возьмите розу».

Анжелика подняла белый цветок с подушечки и тут же выронила, тихонько вскрикнув. Поднесла уколотый палец к губам, но Трегир перехватил её руку. Девушка закричала:

– Её Высочество уколола палец! Её Высочество уколола палец! – взяла уколотый палец в свою руку, надавила. Из ранки пошла кровь. К девушке подбежала другая, которая осторожно подняла розу, отогнула один лепесток. Капелька крови скатилась по гладкой поверхности. Анжелика недоумённо смотрела на происходящее. А из её пальца снова выдавили немного крови на цветок.

– Что это?

– Это значит, моя дорогая, что ты девственна. Таков древний анастасийский обычай. Девушке дают розу с одним-единственным шипом. И если она уколёт палец – значит чиста. Кровь на цветке как священную реликвию потом долгие годы хранят в семье, – шёпотом объяснил Трегир.

– Ты видишь, врут даже древние обычаи, – в ответ прошептала Анж.

«Т-с-с, я не единственный, кто понимает русский», – Трегир поцеловал Анж в висок и снова повёл девушку по живому коридору. Анж слышала, как позади продолжали кричать, что она уколола палец.

– А если бы не уколола, что тогда? – не выдержала Анжелика.

– Тогда бы пришлось показывать простынь.

– Какая мерзость! – Анж передёрнуло.

Они то поднимались, то спускались по какой-то лестнице. Анжелика понятия не имела, в какой части дворца они находились. Живой коридор прекратился около распахнутых дверей. Повеяло морозной свежестью. Перед ними стояла машина.

– Мы куда?

– В гарем. Садись, – Трегир захлопнул за Анжеликой дверь. Сам сел с другой стороны. Машина поехала по городу. – Манфред, сделай круг, мы посмотрим, как прекрасен ночной Блу-Сити, – сказал Трегир и закрыл перегородку. – Милая моя девочка, ты как? Устала? – он приблизился к её губам.

–Трегир, я поняла. Вся эта свадьба, чтобы спасти меня, да? – она отстранилась. – Ты же знал, что я не хочу выходить замуж, и чтобы меня никто не принуждал... Правда? Ты решил пожертвовать собой ради меня? И ты везёшь в гарем, чтобы...

–Анжелика, нет, – Трегир взял её руку в свою, поцеловал ладошку, провел пальцем по кольцу. – Сегодня ночью ты станешь моей женой по-настоящему. И это я тебе обещаю. Ты же знаешь, что я никогда тебя не обманываю. Настраивайся, любимая.

Она отвернулась к окну. Он не стал больше ничего говорить. Она закусила губу. Было страшно. Она не знала, почему ей было страшно. Не знала она и то, что Трегир тоже себя сейчас настраивал. Он слишком привык, что женщины сами падали к нему в объятия. Он слишком привык, что нельзя было её трогать. Он слишком привык её оберегать, как отец или старший брат.

Это было незадолго до свадьбы. После очередного «общения» с Анжеликой он чувствовал себя опустошённым, как будто пытался доказать теорему Ферма и она ему в очередной раз не далась.

–Господин, у вас неприятности? – спросила Ханума-анакан. – Хотите, мы вам организуем баню? Отдохнёте, расслабитесь. Что мучает вас? – он уже разобрал все дела, но не уходил.

Сам не зная почему, он рассказал Хануме о своих проблемах с принцессой: о том, что она его ненавидит и о том, что он не представляет, что с ней будет делать в первую брачную ночь. «Хоть насилуй...» – заключил он.

–Господин, после бала приезжайте сюда. Мы сделаем, как это делали в наших гаремах, готовя девушек к ночи с господином. Мы её сводим в хаммам, натрём маслами, одурманим запахами. Только вам надо будет брать её в эту же ночь, сразу, пока она под воздействием благовоний. Если вы отступите, второй раз может не получиться...

Анжелика ступила на мягкий снег. Трегир подал руку. Снег искрился в свете фонарей, поскрипывал под ногами. Холод пробирался под тонкую накидку.

Тепло вырвалось из открытых дверей. Она почти не понимала, что происходило. Ханума-анакан приняла принцессу из рук Трегира, её тут же окружили девушки. Анжелика пыталась оглянуться, но за занавесой газовых платков она не видела его. Её привели в хаммам. Девушки её раздели. Она пыталась сопротивляться, но их было много. Анжелика пыталась прикрыть наготу руками, но руки отводили, поливали водой с апельсиновым запахом... Потом чем-то натирали, растирали, мазали, поили... Она не понимала, что с ней происходит. По лицу струилась то ли вода, то ли это были слёзы. Надели на голое тело тонкую с вышивкой сорочку и куда-то повели. Сорочка приятно скользила по телу. Газовые платки опять закрывали обзор. Наконец они оказались перед массивной дверью. Дверь отворилась. Из рук девушек её принял Трегир. На нём был атласный халат. Он взял в свои руки её пальцы и, целуя их, завёл в комнату. Двери закрылись... Душа затрепетала, а комната плыла как в тумане.

36. Медовый месяц с ложкой дегтя

Ноги утопали в мягком ворсе светлого ковра. Трегир, поддерживая девушку за талию, вёл её к кровати, стоящей в глубине комнаты. Рядом с кроватью – столик на резных ножках. На столике, сверкая в хрустальном кубке, замерла вода.

–Что это? – шёпотом спросила Анжелика, когда они остановились.

–Апартаменты новобрачных. – ответил Трегир и повернул её к себе, обнял, прикоснувшись губами к её губам.

Она чувствовала, как нежность проникает в каждую клеточку её тела. Трегир одной рукой придерживал голову Анж, а другой спускал с плеч сорочку.

Он гладил шелковую кожу её плеча. Попробовал на язык, проводя влажные дорожки.

Звучала красивая мелодия, и Трегир, прижимая Анжелику к себе, двигался в медленном танце. Её руки как-то сами по себе легли ему на талию – то ли в желании отстраниться, то ли прижаться. Лёгким облаком легла на пол сорочка, обнажив молодое тело.

Медленно опуская девушку на ложе, он освобождался от халата.

Её сердце бешено колотилось. Его тело было таким горячим, а простыни такими прохладными...

Она попыталась прикрыться рукой.

–Не надо, – прошептал он, пристраиваясь рядом с ней. Трегир не торопился и спешил одновременно. Смотрительница гарема предупредила, что через час благовония не будут действовать на неё. Но ему казалось, что она не захочет выйти из власти наслаждения. С губ срывался стон блаженства. И хотелось задержать этот миг, прочувствовать таинство единения, таинство слияния тел.

Его нога проскользнула между её ног. Он целовал, ласкал, прикусывал, поглаживал губы, щеки, мочку уха, грудь, живот, снова грудь, не оставляя её в покое ни на секунду. Медленно перебирался на неё, боясь спугнуть этот волшебный миг. И вот уже её ноги разведены, и она не может их соединить. Нет, может, но для этого ей надо обнять его своими ногами... И он чувствует, как они робко обвивают его, потом опускаются и снова обвивают. Как будто решают: стоит или не стоит сделать этот шаг.

Она маленькая, а он большой. Он пытается удержать свой вес на руках. Она сквозь чувствует там, внизу: её плоть начинает пульсировать, наполняться влагой. Но что-то чужое, инородное, твёрдое и влажное приближается к ней, пытается преодолеть врата рая. Её естество обняло маленькую толику иноземца, замерло, как будто пробовало на вкус.

В голове выстрелило «Будет больно. Вспомни, было больно. А потом было стыдно! Тебе будет стыдно».

Анжелика дернулась, «ушла». Трегир опустил свою руку вниз, чтобы помочь себе. Там его уже ждут, он это чувствует. Она переполнена соком. Он навалился на неё телом.

По подкорку проник мужской запах. Перед глазами мужская грудь, покрытая чёрными волосками. Мозг даёт команду: «Беги, потом будет поздно». Где-то уже было так. Но где и когда? В голове мелькнула картинка: её голова и тело прижаты к мужской груди, покрытой черными волосками, а ноги разведены. Она не может двигаться, потому что стала частью его тела... А сверху звучит его голос. Чей голос? Мозг кричит: «Беги!» Это уже было... Но когда и где? А может, не с ней? А с кем тогда? И кто был тот мужчина? Что он делал? Почему она не могла двигаться? Почему её руки и ноги обвивали его? И рот, что-то было во рту, она не могла выплюнуть. Ей казалось, что она задохнётся...

Трегир не видит, как глаза Анжелики начинают расширяться от ужаса. Он не торопит мгновение. Ему хочется дать ей блаженство. Медленно, миллиметр за миллиметром, ещё чуть-чуть, и она его примет.

Воспоминания овладели разумом девушки, её колотит нервная дрожь. Мозг взял контроль над телом, изгоняя чувства и ощущения. «Секс – это стыдно. Прими его, потому что ты должна его принять. Ты отдалась одному, отдайся и другому».

Анжелика напряглась. Руки-ноги одеревенели, паника захватывала разум.

– Девочка, моя милая девочка, я люблю тебя, – горячее дыхание Трегир обжигало её губы, ещё щёки, её уши.

– Нет! – Анжелика вскрикнула. Это произошло так резко и внезапно, что Трегир на мгновение растерялся. Анжелику стало колотить. Она заговорила речитативом: – Встань, встань... – голос был испуганный, – Мне тяжело, уйди, отпусти меня... Оставь... Мне плохо...

Трегир освободил девушку, какое-то время молча смотрел, не понимая, ЧТО он сделал не так, ЧЕМ он её напугал.

А она... Её колотило, она сжималась как эмбрион, пытаясь закутаться в лежащую рядом простыню. И шептала: «Не надо, не надо, отпусти меня. Я не хочу, – по лицу катились слезы. – Голова, сильно болит голова, как жарко, пить, дай мне пить...»

Он встал, подошёл к столику, где стоял графин с водой, наполнил стакан, подал ей: «Успокойся, моя дорогая, всё хорошо». И вдруг он увидел, с каким ужасом она смотрит на его возбуждённый член. Анжелика содрогнулась, и... её вырвало. Он не знал, что она впервые в жизни видит обнажённого мужчину.

Тогда, во время побега, Генмерол даже не снял рубашку, всё было по-другому, быстро, без прелюдий, под воздействием сладкого вина.

Трегир накинул на плечи халат. Сел, запустив руки в волосы.

Анжелика сжала виски. Голова раскалывалась на части. «Мне плохо, мне очень плохо... Сделай что-нибудь. Я умираю...» – она лежала на кровати, свесив голову, и её снова вырвало.

Трегир ничего не сказал. Лишь запахнул халат поглубже, вышел из комнаты. Вскоре вернулся. Анжелика сидела на полу около кровати и держала голову руками. Он молча взял её за руку, поднял на ноги, куда-то повёл. Она так же молча плелась, ничего не спрашивая.

Они вошли в ванную комнату. И очень вовремя. Трегир успел быстро среагировать и склонить её над биде, как её снова вырвало. Посадив Анж на скамейку, он включил душ, потрогал температуру воды...

Тёплая вода стекала по голове, по телу. Анжелике становилось лучше. Трегир молча смотрел на неё. Она отвернулась. Сейчас она не знала, отчего ей было стыдно: стыдилась ли она собственной наготы, или ей было стыдно за то, что её вырвало. А ещё в сердце проникал страх, что Трегир накажет её и лишит общения с родными.

– Пойдём, спать пора, – она услышала сквозь шум воды его голос.

– Выйди, мне надо вытереться, – тихо ответила она.

– Анжелика, ты моя супруга, и я тебя уже видел голый. Так что выходи, я сам тебя вытру, – он выключил воду, взял её за руку и потянул к себе. – Не надо сопротивляться, – завернул в большое пушистое полотенце. Нежно промокнул воду. Она не должна видеть в нём врага. Он не насильник. Он друг. Он муж. – Ну вот, теперь можешь надеть сорочку, – постарался сказать как можно мягче. – Пойдём, уже поздно. Утром нас во дворце будут ждать.

Они вышли из ванной. В комнате ничего не говорило о случившемся. Даже на ковре всё было убрано. Лишь на столике появилась кружка с чем-то горячим.

– Садись, выпей это, чтобы голова не болела.

Утро. Зимнее солнце ленивое: оно любит поспать, понежиться в тёплых серых облаках. А потом кто-то невидимой рукой взобьёт эту перину так, что не будет видно ни неба, ни земли из-за падающего на землю облачного пуха. Ещё рано. В комнате темно.

Анжелика села на кровати. Ей казалось, что всё, что произошло, она видела во сне. За спиной раздавалось мерное дыхание. Это был Трегир. Он спал. Трегир спал очень чутко и сейчас понял, что его жена уже проснулась.

Она встала, дошла до ванной. Умылась. Огляделась. Её сорочка была настолько прозрачной, что не скрывала наготу. Девушка поспешила скрыться от зеркала. Вернулась в комнату. Обратно легла. «Что делать? Он лишит меня родных. Как исправить ситуацию?» – спрашивал мозг и тут же сам себе отвечал: «Надо отдаться. Тогда, может быть, простит», – думала она, погружаясь в дрему.

Мягкое прикосновение к щеке её разбудило. Трегир сидел рядом, с её стороны. На нём был халат. Волосы блестели от воды.

–Просыпайся. Скоро принесут завтрак. Нам надо во дворец, – он склонился, но не поцеловал, она не дала. Его голос был какой-то слишком спокойный и чужой. Как будто он поиграл с ней и теперь хотел поскорее избавиться. Так говорят, когда снимают девушку на ночь и понимают, что она не подходит для продолжения отношений.

–Трегир, – Анжелика повернулась на спину, натянула по шею шёлковую простынь.

Она нерешительно взяла его руку, поднесла к губам. Её движения были робкими. Она помнила, уже здесь её учили, что надо прикоснуться губами к руке мужа в знак уважения и смирения. И думала, что никогда в жизни этого делать не будет. Но сейчас на кону стояла встреча с родными. Она так долго ждала этого. Они приехали на месяц. Всего на месяц. Целый месяц она может быть рядом с ними, если только... Всё во власти Трегира. Он молча посмотрел на неё, ожидая, что последует дальше. Она положила его руку на себя, на низ живота. Через простынь ощутила тепло его руки. Ниже ей не позволяла стыдливость.

–Трегир. Ты можешь делать со мной, что хочешь. Прости меня за вчерашнее. Я всё вытерплю, – каждое слово давалось ей с трудом.

Он молча продолжал её рассматривать: вот её лицо, глаза потухшие, в них сидит страх, она судорожно сглатывает. Его взгляд скользит по руке, вытянутой вдоль тела, кисть сжата в кулак.

–А ты не хочешь развести ноги? – неожиданно резко спросил он. И она покорно пытается это выполнить. Он видит движение под простынёй, слабое движение. Ноги слегка разведены. – Что ты собралась терпеть? – она молчит. Отвернулась, закусил губу, смотрит в окно. – Ты собралась терпеть любовь? Разве любовь терпят? Анжелика? – но она молчит.

Трегир выдернул свою руку. Он не знал, что ему делать. Он не знал, каким ему быть. Он не понимал, что с ней происходит. Он знал лишь одно, что сейчас он её не тронет. Ему нужна жена, любящая женщина, а не рабыня. А ещё необходимо было узнать, от чего её тошнило? От благовоний, от перенапряжения или от его наготы?

Она неожиданно села, схватила его за руку, стала её целовать быстро-быстро, при этом тараторя:

–Умоляю, прости меня, я не могу, не разлучай меня с родными, Трегир... – из горла раздавались сухие рыдания. Сухие глаза покраснели. Зубы заплясали чечётку. Она начала заикаться. – Т-тре-г-гир, я-я п-прошу-у т-теб-бя... Я хочу увидеть маму. Я хочу... – слов было не разобрать...

–Так, хватит истерик, – он сел рядом, обхватил ладонями её лицо и, глядя прямо в глаза, спокойно, почти холодно произнес: – Я обещаю, что тебе ничего не будет. Мы потом спокойно обсудим, что нам делать с твоей проблемой. Хорошо? – она нервно закивала головой. – Вот и хорошо. А теперь ступай в ванную и приведи себя в порядок. Там висит халат. Сейчас придут слуги. Им необязательно знать о наших проблемах. Всё, ступай.

Он поднял её за руку и довёл до ванной.

Когда она вышла, стол был уже накрыт. Стол... Она не поняла, когда в комнате появился стол и два кресла. Может, утром, пока она спала, а может, когда была в ванной.

После завтрака девушки-прислужницы нарядили принцессу в оранжевое платье, уложили волосы, закрепили диадему на голове, наложили макияж, сделали маникюр. Трегир молча смотрел, как занимаются его супругой. На нём был костюм цвета молочного шоколада, который очень подходил к её платью.

До дворца они добрались на машине. Вдоль дороги, как и вчера, стояли люди, они счастливо машут. Сегодня в городе висят оранжевые флаги. «Милая, народ хочет видеть свою принцессу улыбающейся, помаши им, не лишай своих подданных праздника. Надеюсь, что ты понимаешь, что никому необязательно знать. Только ты и я».

Они идут по дворцу. В его руке её рука, та самая, на пальце которой надето обручальное кольцо. А вторая, как и вчера, покоится на талии за спиной. Входят в зал.

– Что пить будем: красное вино или шампанское? – спросил кто-то из толпы. Все в ожидании ответа посмотрели на Трегира и Анжелику.

– Ну, отвечай, тебя спрашивают? – Трегир улыбнулся.

Анжелика переводила взгляд от одного к другому: Генри, Лаур, Оксана, Римма, Реджинальд, Джой, великие герцоги, королева...

– С утра алкоголь? – Анжелика поморщилась. А потом, решив, что в такой день, как свадьба, пьют шампанское. – Ну шампанское, что ли.

– Шампанское... – кто-то разочарованно протянул.

– Я думаю, что на красное вино нас ещё пригласят, – обнадеживающе ответила королева. – Шампанское – это не прокисший виноградный сок, а значит, будет и вино. За молодых! – королева подняла свой бокал, выпила и бросила на пол.

Её примеру последовали остальные. Хрусталь с музыкальным звоном падал на пол и разбивался на мелкие частички.

– Хочу напомнить, – вмешался великий герцог старший, – что красное вино может храниться не больше месяца.

Анжелика недоумённо посмотрела сначала на королеву, потом на отца Трегира, потом на самого Трегира.

«Шампанское, – разъяснял Трегир Анжелике тихонько на ухо, – значит, что ты ещё девственна и не стала фактической женой. Красное вино – что первая кровь пролита, то есть, что я переспал с тобой. И предстоит нам это сделать в течение первого месяца после свадьбы. Пока ты не станешь моей реальной женой – тобой могут командовать мои родители. Таков обычай: пришла в их дом и стала их дочерью. Ну а прокисший сок – что девушка потеряла девственность до свадьбы с посторонним...»

– Почему же тогда ты не заказал сок? – спросила Анж, вспоминая, что в её жизни уже был мужчина.

– А кому от этого будет лучше? И потом, ты же уколола палец, поэтому про сок и не спрашивали, его даже не приносили.

– Ты видишь, как врут ваши обычаи: роза, шампанское...

– Да нет, девочка, они как раз говорят правду. Можно быть физически девочкой, а в душе натуральной шлюхой. Ты переспала с мужчиной, но твоя душа осталась девственной. И я тебя очень прошу: никогда не вспоминай, что у тебя был кто-то до меня. Ведь я, мужчина, тебе это не напоминаю. Пусть тайна останется в прошлом, – он улыбнулся, коснулся её губ, прошёлся по ним своим языком. – Какая же ты сладкая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.